

А.Ж. ОГАНЕСЯН

РОССИЯ И АРМЯНЕ

УРОКИ ИСТОРИИ И РЕАЛИИ

ЕРЕВАН - 2009

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЕГУ

УДК 327:941 (479.25)
ББК 66.4 + 63.3(Ар)
О 361

Рекомендовано к печати Институтом арменоведения ЕГУ

ОГАНЕСЯН А.Ж.

О 361 **Россия и Армяне: Уроки истории и реалии.** – Ер.:
Изд-во ЕГУ, 2009, 152 + 18 с.

Предлагаемая книга, основанная на богатом историческом материале, анализирует и обобщает весь процесс развития армяно-русских отношений. Представленные в книге авторы являются исключительно представителями русской общественно-политической и научной мысли, которые размышляют об Армении и армянском народе, российских армянах, а также других вопросах, касающихся армяно-русских отношений.

Книга, в первую очередь, адресована широкому кругу русских читателей, а также историкам, политологам и международникам.

ББК 66.4 + 63.3 (2Ар)

ISBN 978-5-8084-1172-2

© Издательство ЕГУ, 2009 г.
© А.Ж. Оганесян, 2009 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

На переломных этапах истории Армении, когда вопрос политической ориентации становится насущным, перед историками стоит задача заново обдумать и оценить пройденный путь и осмыслить уроки истории. Естественно, уроки истории последних столетий подсказывают нам необходимость переосмысления общности политических выгод и целей Армении и России.

Летопись армяно-российских военно-политических, экономических, культурных, духовных отношений имеет древние традиции и исчисляется не одним столетием. Дальнейшее развитие исторически сложившихся отношений привело к логическому исходу: в результате военно-политических событий первой трети XIX столетия в Закавказье Восточная Армения была присоединена к Российской империи. С тех пор Россия стала играть важную роль в исторических судьбах армянского народа; началась новая историческая фаза в многогранных армяно-российских отношениях. Эта неоспоримая реальность уже история. После присоединения Армении к России ее экономическая, политическая и культурная жизнь значительно прогрессировала, что было невозможно при господстве Персии и Турции, последняя из которых выбрала путь физического уничтожения коренного населения Армении – армян.

Само рассмотрение исторических вопросов – это вместе с тем и освещение политики в широком смысле этого слова, оценка обстановки, политических целей и выгод. Отсюда и главная цель настоящей книги – подчеркнуть историческую преемственность армяно-русских отношений и актуальное значение пройденного пути и развития.

События, происходящие сейчас в Кавказском регионе, доказывают, что как два века назад, так и в нынешнее бурное время перед русским и армянским народами история вновь ставит одни и те же проблемы, несмотря на то, что нас разделяет почти два столетия. А исторические уроки прошлых столетий всегда поучительны. В этом смысле, нам кажется, что многие материалы, содержащиеся в настоящей работе в какой-то степени помогут русскому читателю правдиво понять чаяния и стремления армянского народа.

Сегодня Россия и Армения – суверенные государства. Но это обстоятельство несколько не мешает продолжать и углублять исторически сложившиеся дружественные отношения двух народов. Сотрудничество армянского и русского народов ныне охватывает различные области политической и общественной жизни, характеризует новую ступень развития и дает нам основные надежды на дальнейшее углубление добрососедских отношений между двумя дружественными государствами.

УРОК ПЕРВЫЙ:

ОТ ПОЗНАНИЯ ДО СТРАТЕГИЧЕСКОГО СОЮЗНИКА

«Есть народы, которые от различных превратностей, хотя и подверглись в отечественных своих пределах игу власти насильственной и чуждой; однако же в продолжении целых столетий, сохраняют не только имя, но и нравственное бытие свое, и язык и веру и желание – жить существование первобытным. А чрез сих народов, Армяне занимают блистательную степеню».

С.Н. ГЛИНКА

Интерес к Армении и истории армянского народа в России прослеживается на протяжении почти десяти веков. В древнерусских летописях неоднократно упоминаются Армения, Арарат, армяне. Русские знали об Армении также по библейским сведениям и русским былинам. Легенда о Ноевом ковчеге, неоднократные упоминания о библейской горе Арарат возбуждали интерес к Армении. Так, в знаменитой «Повести временных лет» автор, указывая на Библию, подтверждает, что сын библейского Ноя, Яфет, получил во владение Великую и Малую Армению. В былинах «Илья Муромец и Святогор» дважды упоминается Арарат как святая гора.

Вначале, когда еще отсутствовали официальные отношения между двумя народами, сбор сведений об Армении и армянском народе в России, в первую очередь, диктовался интересами внешней политики империи. Естественно, для решения возникших проблем русское правительство придавало большое значение дальнейшему укреплению и развитию связей с народами, населяющими Кавказ. В этом отношении Армения не являлась исключением; более того, подчеркнутая пророссийская ориентация армянского народа и желание видеть в нем верного союзника, значительно способствовали интересу к армянскому народу и истории борьбы армянского народа за свою свободу и независимость.

Несомненно и то, что для выхода на восточные рынки и укрепления своей политики в Закавказье, армяне были лучшими союзниками России. Иными словами, военно-политические планы России совпадали со стремлениями армянского освободительного движения.

В этом отношении особо выделяется эпоха Петра Великого. Вся государственная, дипломатическая и военная деятельность этого выдающегося русского монарха сопровождалась сбором материалов и сведений, касающихся Закавказья. «Петр Великий был пер-

вым двигателем и в отношении к научному изучению Востока. Его походы на Кавказ и Персию доставили новые материалы для науки, тщательно сохранены благодаря его личной любознательности и уважению к всякому знанию... начало этому делу положено, по повелению Петра, переводом на русский язык... армянских надписей села Болгарь, бывшей столицы Волжской Болгарии. Это едва ли не первый восточный труд в России» – писал журнал «Русский вестник».¹ Знакомство с Закавказьем в петровские времена поднялось до степеней государственной политики.

В конце XIII – начале XIX веков Закавказье оказалось в первоочередных внешнеполитических планах России. Немалую важность приобрела задача создания и укрепления общественного мнения вокруг Закавказья, возрос интерес к истории местных народов, в том числе и к истории армянского народа.

В этот период в значительной степени прогрессировала также и армянская культура. После присоединения Армении к России начинается сравнительно мирный период экономического и культурного развития армянского народа. Уже на заре XIX столетия армяне доказали, что они находясь под вековым господством, не потеряли своего нравственного потенциала и научно-образовательные традиции. Разбросанные по всему миру, армяне организовывали издательскую деятельность. Книжки печатались в Амстердаме и Константинополе, Венеции и Париже, Иерусалиме и Мадрасе, Калькутте и Измире, Ливорно и других городах мира.

Крупными центрами армянской культуры стали также города Москва, Санкт-Петербург, Тифлис, Казань, Астрахань, Новый Нахичевань и многие другие. Важным результатом этого прогресса стало создание новых ар-

¹ «Русский вестник», 1856, т. 2, с. 119.

мянских школ, которые более века служили армянам России и армянской диаспоры. Так, в 1810г. в Астрахани открылась Агабабовская школа, в 1815 г. – знаменитый Лазаревский институт восточных языков в Москве, в 1824 г. – Нерсесяновская школа в Тифлисе. Из года в год увеличивалась численность армянских студентов в университетах Санкт-Петербурга и Москвы.

В 1809 г. на русский язык была переведена и издана книга родоначальника армянской историографии Моисея Хоренского «История Армении», за которой последовали труды других древнеармянских историков. Не случайно, что в 1890 г. «Кавказский календарь» констатировал: «Армянская историческая литература очень богата. Армяне имеют много знаменитых летописцев, труды которых переведены на разные европейские языки, в том числе и на русский».²

Из года в год, в России в значительной степени активизировались публикации материалов об Армении. «В своей многовековой истории, – пишет известный русский ученый – арменовед А. Грен, – армяне всегда отличались стойким и независимым характером. Надеюсь, что оно будет не безынтересным, тем более, что даст многим возможность судить, в чем состоят особенности армянского народа и освободить его от тех упреков и нареканий, которые неоднократно повторяются русской публикой».³

Авторами следующего рассуждения являются профессор Московского университета А.Ф. Мерзляков и М.Т. Каченовский: «Не будем говорить о пользе истории преимущественно такого народа, который в продолжении многих столетий, составлял сильную державу древнего света и обращал на себя внимание великих завоева-

телей на Востоке: Семирамиды, Александра Македонского, Парфия, Римлян, Аравитян, Чингис-хана, Тамерлана, Надир-шаха и других».⁴ В книге подчеркивается также, что народ, имеющий такое героическое прошлое, заслуживает особого внимания и выражали сожаление, что эта история («теперь остается почти забытой»)⁵

Судя по публикациям того времени, в России правильно понимали и представляли нравственный потенциал и дух армянского народа, высоко ценились созданные им культурные ценности. «Если французы и немцы изучают историю одного из древнейших, могущественных и образованнейших народов – народа армянского, чтобы с помощью ее разлить новый свет на события прошедшие и дополнить то, что относится к непосредственной судьбе человечества, – говорится в одной из первых русских книг, посвященной истории Армении, – то для россиян сверх пользы, приносимой истории – как важнейшей наукою, история армянская должна особенно обращать на себя внимание... Но сие внимание и любопытство были доселе не удовлетворены, чтобы доставить какое-либо понятие о народе, занимавшем некогда первую чреду между просвещенными народами».⁶

Углубляясь в историю Армении, русские историки, в первую очередь, высоко ценили ее место и роль во всемирной истории. Особо подчеркивалось, что «Армяне издревле непоколебимы в основаниях святой веры Христианской; они как твердые ревнители, с большою удобностью могут быть ближайшими и верными орудиями к распространению Христианства».⁷ «История армянского

⁴ Я. и Д. Арзановы, Опыт начертания истории царства армянского. М., 1827, с. III.

⁵ Там же.

⁶ Собрание актов относящихся к обозрению истории армянского народа, ч. I, М. 1833г. с. 1.

⁷ Там же, ч. II с. 25

² «Кавказский календарь», 1890, с. 2.

³ «Кавказ», 1894, № 199.

народа, — пишет известный русский мыслитель С.Н. Глинка,⁷ — сливается почти со всеми историческими народами древнего мира. На вершинах гор Армянских и по преданиям народным, остановилась вторая колыбель рода человеческого».⁸ Более того, Армения рассматривалась как последний оплот христианства на Востоке.

Многие русские авторы, осведомленные историей древнего мира, особо подчеркивали мысль, что из древнейших народов только армяне смогли сохранить свои национальные и культурные особенности, несмотря на множественные удары судьбы. Они считали армян «вечным народом»: «Есть народы, — пишет, например, Глинка, — которые от различных превратностей, хотя и подверглись в пределах своего отечества насильственной власти чуждой, однако же в продолжении целых столетий, сохраняют не только имя, но и нравственное бытие свое и язык, и веру, и желание жить существованием первобытным. На чред сих народов, Армяне занимают блистательную степень. Не взирая на все волнения в Азии, более трех тысяч лет действовавшая бурным приливом на Армению, Армяне все остались Армянами».⁹

Вместе с тем, они считали, что армянский народ должен занимать достойное место в истории. Как присутствие армянскому народу качества, авторы, в первую очередь, подчеркивали самопожертвование, гостеприимство и преданность. Некоторые авторы выражали также удивление тем, что в России об армянском народе царит

⁷ Сергей Николаевич Глинка родился в 1776 г. в Смоленской губернии, в семье потомственного дворянина. В 1808г. в Москве он учредил журнал «Русский вестник». В 1812г. за публикацию, посвященные отечественной войне, С. Глинка удостоился ордена 4-ой степени св. Владимира.

⁸ Глинка С.Н., Обзор истории армянского народа, М., 1832, ч. 1, с. 2, 7.

⁹ Там же, с. 1-2.

странное безмолвие. Незбызвестный П. Zubov в своей книге пишет: «Армяне рассеяны по целому свету и в большом количестве живут в тех местах, где несколько десятков столетий процветало царство. Сей народ, во многих отношениях заслуживающий уважение и внимание, владеет исключительно всей торговлей Кавказского края... Странное молчание писателей других народов об этом народе... Но когда читаем писателей римских, упоминающих о царях Армянских, Трдате и Тигране, из которых последний имел важное участие в войне Митридада с римлянами, то понятной становится истина той эпохи славы, величия и самобытности Армянского государства, стоявшего наряду с первыми державами Азии».¹⁰

Русских удивляло также то обстоятельство, что, находясь в центре великих держав Востока, Армения «имела свое весомое влияние на судьбу мира и часто вместе с ним разделяла политические события. Армения принимала деятельное участие во всех важнейших событиях Востока».¹¹ Вместе с тем, многие исследователи подчеркивали то обстоятельство, что по причине неблагоприятного географического положения, Армения становилась главной ареной столкновения Востока и Запада.

С другой стороны, с удивлением отмечалось, что даже в таких условиях, Армения существовала более чем четыре тысячелетия, имела четыре династии и после их утраты «никакие политические потрясения и никакие гонения со стороны язычников не смогли поколебать ее. Армяне остались верными также своей вере... Находясь в полном порабощении и, потеряв почти всякий след политической самобытности, и при таких ужасных усло-

¹⁰ Zubov П., Картина Кавказского края, принадлежавшего России и сопредельных ему земель. СПб, 1835, с 142-143, 145.

¹¹ Нейман М., Армяне. Краткий очерк их истории и современного положения, СПб, 1899, с. II.

виях не исчезнуть, а остаться еще прикрепленными к земле предков, сохранить веру, язык и крепкие основы семейной жизни. — поистине весьма редкое качество в истории человечества!».¹²

Подчеркивая цивилизованную роль армянского народа для Востока, русские историки приводят характерные для восточных и западных стран аргументы. Забегая вперед скажем, что эти размышления ценны, правдивы и характерны. «История застала армян на довольно высокой степени умственного и политического развития. Страна управлялась царями то самостоятельными, то под властью суровых завоевателей, наводнявших кровью весь Азиатский Запад», — читаем у Потто.¹³ С. Глинка делает заслуживающее внимания следующее сравнение: «Свидетельства, основанные на коренных свойствах Армян, что они неспособны были к кровавым жертвоприношениям. Но известно, что древние персы, увлекаясь рабодепным жертвоприношением, в изъявление иступленной покорности к властелинам своим, на пиршествах и при других случаях поражали себя кинжалами... Известно также, что в Риме тысячами умерщвляли для увеселения императоров. Но в Армении этого никогда не было».¹⁴ Русские авторы вместе с тем подчеркивали, что «Армения не причастна Азиатскому деспотизму и час от часу более сближалась с Благовестием. Деспотизм Азиатский не любит веры».¹⁵

«Армяне из страны... — отмечает «Московские ведомости» в 1828г., — которая первая после всемирного потопа освободилась от вод и была позорищем многих

¹² Глинка С.Н., Обзорение истории..., с. 62.

¹³ Потто В.А., Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях, т. III, СПб, 1886, с. 656.

¹⁴ Глинка С.Н., Обзорение истории..., с. 256.

¹⁵ Там же, с. 272.

важных событий в истории Греков и Римлян... Они весьма склонны к странствованию и к торговле. Вообще можно сказать, что они совершенно отличаются от других азиатских народов, любящих предаваться роскоши и праздности... Россияне в то время (XVII век) не имели еще никаких гаваней при Балтийском море, а Армяне ездили в Архангельск по Белому морю, а оттуда объезжали и посещали западные страны Европы. В Индии внутренняя торговля большей частью находится в их руках».¹⁶

Русские авторы отмечали также справедливость армян по отношению к своей истории. «К чести Армян должно сказать, что они, подобно Египтянам, Китайцам и Индейцам, не переносят колыбели своей за сотни тысяч лет. От начала бытия своего, до разрушения царства Армянского, они считают 3482 года, то есть: оно возникло за 2107 лет до Р.Х., а политическое его существование прекращалось 1375 года после Р.Х.»¹⁷ «Народ Араратской страны никогда не называл ее Арменией, — писал известный военный историк XIX века В. Потто, — это имя дали ей другие народы. Греки, всюду видевшие себя, производили его название от аргонавта Арменоса... Другие производили имя Армении от одного из героических царей ее, Арама. Сами себя армяне называют Гай, по имени легендарного Гайка, родоначальника народа и основателя династии армянской. Этим Гайком и начинается легендарная история Армении».¹⁸

И неслучайно, что изучение особенностей человеческого рода во всемирной истории русские ученые рассматривали на примере истории Армении, подчеркивая также высокий моральный облик армянского народа. Приведем некоторые цитаты из книги С. Глинки: «В

¹⁶ Собрание актов..., ч. II, с. 274—275.

¹⁷ Глинка С.Н., Обзорение истории..., ч. I, с. 24.

¹⁸ Потто В.А., Кавказская война..., т. III, СПб, 1886, с. 657.

истории важнее всего наблюдение того, что составляло благо людей, на каком основании оно созидалось, или что разрушало сие здание и подвергало злословию...».¹⁹ «Вековое стремление к нравственности самобытной, Армяне в наше время ознаменовали подвигом блистательным».²⁰ «По коренному духу нравственных свойств своих, Армяне не увлекались порывом завоеваний; порыв был у них стремлением мимолетным. Оборона отечества, защита родной независимости, противоборство покушениям внешнего насилия – вот главная цель их вооружений. А потому и Мигрь, их языческий бог войны, означал огонь не вещественный, но духовный, охранявший, а не истреблявший природу и людей», – пишет Глинка.²¹ И наконец, подчеркивая воспитательное значение истории Армении, В. Потто подчеркивает: «Чтобы в полной мере понимать все историческое величие подвига России, нужно знать и вспомнить его историю, длинный ряд веков борьбы и тяжких испытаний, в которых устояли не многие племена, и из которых Армянский народ сумел выйти без громких побед, но с полным торжеством, не дав стереть свою духовную особенность».²²

Характеризуя жизнеспособность армянского народа, русские авторы вместе с тем подчеркивали, что творческая мысль армян зародилась еще с древнейших времен. Раскрывая тайны сохранения самобытности армян, Глинка, к примеру, приводит следующую мысль Гиппократова: «В странах Азии, как часто внешнее величие превращается в прах могильный, обремененный деспотизмом, нередко и самые цветущие земли, превращаются в пустыни безмолвия, опустошительные завоеваний и от осуждения

¹⁹ Глинка С.И., Обзорение истории..., ч. 1, с. 8-9.

²⁰ Там же, с. 6.

²¹ Там же, с. 3.

²² Потто В.А., Кавказская война..., т. III, СПб, 1886 - 1888, с. 654.

труда человеческого. Там даже и возвышенные умы, направлением гибельной политики, помогающей стеснять, а не распространять силу нравственную, совращаются с поприща силы мыслящей.

Армяне не подверглись правду бессмертного Гиппократова, – заключает Глинка и добавляет: «К утешению человечества, они доказали, что сила мыслящая, что дух самобытного нравственного существования, переживают могущество завоевателей и внешнюю обширность держав, подвергающихся столь часто изменению предел своих. Тот народ не исключен из народов самостоятельных, который, не отклоняясь от цели, предназначенной человечеству, увековечил себя жизнью истории».²³

Армянин Ал. Худабашев, занимающий в министерстве иностранных дел России ответственный пост, уточняя эту мысль, пишет: «Кто может например, найти теперь Финикийца, Лидийца, Каппадокийца и других. Они навсегда скрылись, совершенно исчезли посреди новых поколений.

Напротив того, Армяне, им современные, пережившие одинаковые с ними угнетения, подвергавшиеся не меньшим превращениям судьбы, существуют и до настоящего времени сохраняют язык свой и свою христианскую веру, и землю свою, и обычаи, и законы. Принимая все это во внимание, можно утверждать, что этот народ еще не исполнил своего предназначения и не близок к смерти своей».²⁴ Поэтому, армянский народ представлялся как символ выживания, как народ, который на протяжении всей своей истории вынес множество испытаний и лишений, но тем не менее, смог противостоять и сохранить свою самобытность.

²³ Потто В.А., Кавказская война..., т. III, СПб, 1886 - 1888, с. 4.

²⁴ Худабашев А., Обзорение Армении в географическом, историческом и литературном отношениях. СПб, 1859, с. 273.

Оценивая миролюбивость армян, они вместе с тем подчеркивали, что «Армяне, любя независимость родного края, дорожили и независимостью других народов».²⁵ В статье, посвященной 50-летию Лазаревского института, газета «День» в 1865 году писала: «Нередко бывает, что в исторической судьбе народа, имевшего свою внутреннюю жизнь и выработавшего свои национальные интересы, возникают поставленные самой историей роковые вопросы. Весь будущий ход истории народа зависит от того, как переживают они эти переломы народной жизни, каким интересам дается ими предпочтение для своего дальнейшего существования. Роковым вопросом Армении был вопрос о существовании государственного строя. Один только взгляд на ее древний государственный строй, на географические условия ее областей, на общий хаотический характер Азиатской монархии, мог бы убедить, что государственная жизнь ее осуждена на гибель свою историей».

*Но есть одна существенно важная черта, редко отличающая от них распадение Армянского царства. У других восточных народов вместе с падением их политического могущества, иссякала и всякая народная жизнь. Нередко сами названия некогда славных народов исчезли бесследно. Но Армянский народ из под развалин своего государства вынес ненарушимую свою национальную жизнь».*²⁶

Характерно, что жившие в России, иностранцы также выражали свое удивление и восхищение фактом древности и вместе с тем степенью развития армянского народа. И этого впечатления они не скрывали. Судите сами: египтяне, ассирийцы, халдеи, вавилоняне, финикийцы, мидийцы, лидийцы, каппадокийцы, скифы, не говоря

²⁵ Глинка С.Н., Обзорение истории..., ч. 1, с. 218.

²⁶ «День», 1865, № 33.

уже о хеттах и многих других народах, – в разные времена были современниками армянского народа. Большая часть этих народов жила в соседстве с армянами, более того, многие превосходили их численностью, богатством и военной мощью. Однако, достигнув своего пика развития, они сошли с мировой арены и исчезли, уступив свои земли другим народам, свою народность и свою веру. Некоторые из них не оставили даже следов в памятниках и в памяти человечества.

Немецкий ученый Гакстгаузен, который всю свою сознательную жизнь провел в России, отмечал: «За исключением Иудеи и Египта, едва ли существуют другие страны, в недрах которых сохранились бы для рода человеческого столь важные сведения как в странах, лежащих между Каспийским и Черным морями, от Кавказских высот до земель, посреди коих возвышается гора Арарат... Я думаю, что только она могла быть тою вершиною, на которой остановился ковчег-колыбель нового человечества. Еще весьма интересную сторону представляет эта страна, в отношении главного пути, по которому в древности образовались большие движения народов».²⁷

«В одном отношении этот народ существенно отличается от прочих Азиатских народов: равенство прав и достоинства, высказываются в семейном устройстве Армян, – продолжает далее Гакстгаузен. – В этом заключается призвание Армян к высшему развитию, ибо в высоких умственных качествах их заключается будущее призвание быть посредниками и звеном соединения между Европой и Азией. У Армян религиозное устройство составляет сильнейшее начало национальности. Армяне имеют преимущество внутренней силы действительного отечества, Родины, откуда вышли. У них особенно сильна внутренняя национальная связь. Мне неизвестен на-

²⁷ Гакстгаузен А., Закавказский край, СПб 1857, с. I-III.

род, в котором семейные узы были бы ближе и теснее связаны, как у Армян».²⁸

Притом, основой выживания армянского народа считались его сплоченность и дружелюбие на протяжении веков, начиная с древнейших времен: «Более тридцати веков пронеслись над ним, и оно устояло, – пишет С. Глинка. – Рука первоначального зодчего твердо скрепила его связи: оно сооружено во времена патриархальных и сродненных сил взаимного союза. Много шумело над ним бурь. Потрясал его Македонский, завоеватель Азии, и оно устояло. Колебали его Селевкиды и вековое здание устояло. Грозно вторгались в него древние Римляне. Внесли в него орлы свои и Помпей, и Антоний, и оно устояло. За 350 лет персы громили его со всех сторон, и оно устояло. Татары и турки усиливали бури к потрясаению здания, и оно устояло».²⁹

В России важной предпосылкой выживания армянского народа видели в крепком семейном союзе и «в уважении друг к другу, сопровождаемое братскою любовью...».³⁰ «Семейные узы у армян достойны большего уважения, – отмечает французский арменист Дюлорье, также всю свою жизнь проживший в России. – Байрон, который в свое время исследовал армянскую культуру, подтверждает, что трудно найти в мире народ, в летописях которого так мало говорится о жестокости. Его основная суть миролюбие, а недостатки результаты тех притеснений, которым подвергался армянский народ на протяжении веков. Армяне самый трудолюбивый, разумный и образованный народ на Востоке и если они безразличны материальным выгодам, то это не означает, что можно обвинить его в отсутствии честности. Наоборот,

²⁸ Там же, с. 188-189.

²⁹ Глинка С.Н., *Обозрение истории...*, ч. 1, с. 188-189.

³⁰ Там же, с. 210.

эти достоинства замечали многие правители и доверяли им важнейшие посты».³¹

Более того, русские ставили армян в один ряд с цивилизованными народами Востока, подчеркивая их деятельное участие во многих политических событиях Передней Азии. По мнению Магды Нейман, «Начиная с XIII столетия в Западной Европе многие стали заниматься исследованием сопредельных с Россией восточных стран в историческом, географическом, этнографическом и научном отношениях... В трудах этих авторов всегда уделялось более или менее значительное место армянам, как деятельному и прогрессивному элементу в восточных государствах. Европейские нации интересовались и знакомились с прошлым и настоящим армян, не имея с ними почти никаких непосредственных сношений. Судя по статьям, в изобилии появившимся об армянах в русской периодической печати, – продолжает Нейман, – к сожалению вовсе не видно, чтобы и сами русские публицисты имели о них сколько-нибудь основательное понятие».³²

В одном русском издании, посвященном Закавказью, даже есть упрек: «Трудно объяснить, почему не нашлось людей, которые посвятили бы свои способности, пожертвовали бы несколькими годами своей жизни для изучения Закавказья».³³ Магда Нейман далее продолжает: «Пусть иностранцы думают, что Россия делает приобретение за Кавказом во вред собственным интересам: неосновательность, ложности понятия этого очевидно и не заслуживают опровержения. Такое мнение слишком односторонне. Односторонне потому, что близорукие умы не постигли и не захотели оценить существенных выгод края. С утверждением владычества России на Кавказе

³¹ Кавказ, 1854, № 54, с. 336.

³² Нейман М., *Армяне...*, с. 3.

³³ *Обозрение российских владений за Кавказом в статистическом, топографическом и финансовом отношениях*, ч. I, СПб., 1836, с. II.

она стала твердой стеною в Азии и тем приобрела решающее влияние на Востоке».³⁴

Быть более искренним невозможно. Раздел хочется закончить словами военного историка В. Потто, которые приводим полностью, ибо выбросить из текста что-либо почти невозможно: «Погружаясь в глубь вековой жизни армянского народа, перед наблюдателем возникает картина не солидной неподвижности поработенной страны, а постоянной деятельности, направленной именно на то, чтобы сберечь свой дух от притязаний завоевателей... В этой суровой борьбе армяне не раз проявляли высокую нравственную силу. Этот народ, столь неспособный к завоеваниям, так немного заботившийся о политической самостоятельности, представил мощные доказательства того, что не в отсутствии мужества лежит объяснение его вековой исторической зависимости, и что там, где мог и находить нужным бороться – он находил в себе и необозримые силы».³⁵ Подобное высказывание военного историка, и вправду, уместно.

В русских исследованиях особо подчеркивается также исключительное стремление армян к образованию и культуре, и вместе с тем, их высокие духовные достоинства. И нет ничего непонятого в том, что сегодня армяне, несмотря на свои скромные возможности, стремятся обязательно дать высшее образование своим детям. «Самое священное, самое неприкосновенное наследие, которое родители могут оставить детям своим, – пишет Иван Шопен, книга которого удостоилась Демидовской премии, – есть родное наречие. Между всеми нациями,

³⁴ Там же, с. 6-7.

³⁵ Потто В., Кавказская война..., т. 1, с. 698-699.

^{*} Шопен Иван Иванович (1798-1870) Историк - этнограф, француз по национальности. С 1825г. постоянно проживал в России. Долгое время служил на Кавказе, после чего перешел на работу в Министерство гос. имущества. В личной библиотеке имел большую армяно-ведческую литературу.

одни Армяне успели перенести через ряд столетий, от Ноя до наших времен и сохранить в целостности этот драгоценный залог».³⁶

Особо отмечая большую любовь армян к науке и знаниям, Шопен далее продолжает: «И в других местах, находясь вне своей Родины, Армяне отличаются одинаковым любознанием. Везде они по возможности способствуют развитию просвещения и наук, и те из них, которые сами не могли получить образование, не щадят расходов, чтобы доставить детям своим лучшее воспитание».³⁷

«Армения обогатилась знаменитыми писателями во всех родах словесности, а историки их выдали в свет многочисленные летописи, сохраненные в храмах, – пишет Глинка. – Какими сокровищами должна обладать страна, служившая убежищем наукам, преследуемая рукою насилия во времена общего гонения».³⁸ «В результате сочинений армянских историков сохранились и дошли до нас многие работы греческих ученых, оригиналы которых навсегда утрачены, – можно прочитать на страницах газеты «Кавказ» Эд. Дюлорье».³⁹

Вышесказанное завершаем оценкой известного русского армениста и мыслителя С. Глинки «Касательно Армян, достопамятное то, что когда в продолжении средних веков густая мгла облекала умы жителей Европейских, когда смешались и исказились все понятия обществственные, Армяне не переставали обогащаться новыми понятиями и передавали их потомству».⁴⁰

Подчеркивая значимость работ древнеармянских историков в деле изучения истории Востока, русские ав-

³⁶ Шопен И.И., Исторический памятник Армянской области в эпоху присоединения ее к Российской империи, СПб, 1852, с. 177.

³⁷ Там же, с. 4.

³⁸ Глинка С.И., Обзорение истории..., ч. 1, с. 218.

³⁹ «Кавказ», 1854, № 54, с. 324.

⁴⁰ Глинка С.И., Обзорение истории..., с. 8.

торы отмечают, что хотя древнеармянская историография уступает историографии более известных народов, однако «успехи писателей Армянских в науках всегда были соразмерны с духом века... Они всегда обладали трудным достоинством – соединить скромность с познаниями и не слишком предаваться увлечениям своего воображения. Ни один из литераторов армянских, никогда не пытался вводить новизны изумительные, блеснуть мнениями странными, напротив, творения их дышат чистым правоучием и направляют к добродетели и общественному порядку», – пишет И. Шолен.⁴¹ Ему принадлежат также следующие строки: «В умственном отношении Армяне вообще понятливы. Польза просвещения для них очевидна, а науки и искусства доступны во всех отраслях своих. В этом отношении они далеко превосходят своих соседей, грузин и татар. Все они одушевлены желанием доставить детям своим образование, так что училища наполнены учениками из армян. По всей бережливости своей, Армяне гостеприимны и страстно любят вино, веселящее сердце человека».⁴²

Русские авторы вместе с тем считают, что без исследования армянских источников немисливо представить историю Азии. «Тот, кто ознакомился в Парижской библиотеке с рукописями армянскими, тот знает, какой излучают они свет на политические и военные события Азии, и каким блеском озаряют они летоисчисление, землеописание, превращение держав от берегов моря Каспийского до залива».⁴³

По мнению русских исследователей, история Армении имеет такие стороны, которые безусловно достойны внимания не только для обыкновенного читателя, но и

для ученых: «Армения по положению своему всегда была ареной столкновений сильных держав и принимала деятельное участие во многих исторических событиях прошлого. Более того, судьба народа, успевшего посреди стольких бедствий сохранить свою веру, язык и национальность, никак не может быть и сама по себе лишена занимательности».⁴⁴

Для подтверждения этих строк, они приводили множество выписок из трудов европейских историков. «Аббат Виллефрой говорит, что в 440г. от Р.Х. Армения была знаменитейшей Академией в Азии, и что влияние ее на науки продолжалось до 1453г.», – пишет Глинка и добавляет: «Гражданские законы, богослужение, образ управления, знаменитые полководцы, превосходство искусств армянского народа возбуждали удивление».⁴⁵

Не трудно догадаться, что подчеркнутая цивилизованность имела именно эти соображения. В другой книге, посвященной истории Армении, прямо замечено: «Мы не найдем ни одного христианского народа, от западной части Азии до моря Черного, в котором бы в течение нескольких веков появились писатели. Напротив того, они потеряли даже и следы происхождения своего. Спросите у Ассирийца, у Халдея, у Меда и у многих других племен, спросите, что известно им о предках их? Они о том не более знают какого-нибудь дикого народа нового света, недавно вышедшего из глубины лесов».⁴⁶

Примечательно, что русские историки в лице Армении видели оплот Востока от натисков римлян: «Орлы римские не отважились простереть полета своего против защитника независимости народов. Сим обладатель вселенной страшился одного человека. И сей человек был

⁴¹ Шолен И.И., Исторический памятник..., с. 182.

⁴² Там же, с. 707, 708-709.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же, с. 100.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же, с. 6.

Артасеш Первый», – читаем мы у Глинки.⁴⁷ Примечательна также характеристика армянского царя Тиграна Великого. «Не стану величать мощной длани Тиграна: это принадлежность силы телесной. Но он увековечил имя свое внутренним распорядком, правосудием и сердечно любовью к народу».⁴⁸

С другой стороны, знакомясь с армянской историей, русские историки просто не могли найти ключа к вопросу, каким образом имеющий такую богатую и героическую историю, армянский народ мог оказаться в котлях турецкого Геноцида. В русском сборнике «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам» один из авторов, Ф. Грев, по этому поводу говорит: «Но чего и стоила этому передовому авангарду христианско-европейской культуры, предоставленному себе самому и забытому всеми до последнего времени, забота о самосохранении, пока христианский мир вспомнил о своем передовом аванпосте на Востоке! Печальная, но назидательная страница из истории культуры».⁴⁹

Тем не менее, автор повторяет свой вопрос: «Но чего стоило этому передовому авангарду христианско-европейской культуры, позволить по понятной брезгливости обзывать армян «рабскою нацией» – без совести и самосознания... Нужна была невероятная выдержка и редкая культурная упругость, чтобы сохранить свою веру, язык и духовную целостность».⁵⁰

Те же размышления и в книге генерала российской армии, командира ереванского отряда в Крымской войне М. Лихутина «Русские в Азиатской Турции»: «Армянское царство простиралось от Тебриза до Эрзерума и от

Вана до пределов Грузии... Дикие орды и землетрясения соединились, чтобы разрушить Армянское царство. Народонаселение целых городов было истреблено. Большая часть армян бежали из своей родины во все концы Европы и Азии, где они могли заниматься торговлей и жить безопасно. Язык и религия остались единственною связью народа, и Эчмиадзин, место пребывания старшего патриарха, – его центром, столицею народности. Язык и религия провели эту нацию через тысячелетия притеснений».⁵¹ Лихутин даже не скрывает это обстоятельство: «Здесь уже в небольшом кругу Армян, получивших образование, говорят, что есть идея о независимости и самостоятельности Армянского царства».⁵²

Углубляясь в подробности истории Армении, русский генерал вместе с тем правдиво замечает, что в ней «бок о бок совмещаются чувства героизма и утраты. Размышляя над этими темами, Лихутин пишет: «Падение Армянского царства и уничтожение народа поразительны. И невольно является любопытство, какими путями можно дойти до такого жалкого, пагубного состояния. Неужели дикая орда могла почти истребить сплошную массу народа, говорящего на одном языке и занимающего огромное пространство от Тебриза до Эрзерума и находившегося под одной властью, если бы этот народ был соединен и готов встретить неприятеля...».⁵³ Упрек уместен, но заметим сразу, что вина не только наша, а также великих держав, которые так много обещали армянскому народу...

Кстати, последнюю нашу фразу можно прочитать и у Лихутина: «Постепенная резня армян и других христиан в Турции, кажется, доказывает всю недействительность

⁴⁷ Там же, с. 188.

⁴⁸ Там же, с. 109.

⁴⁹ Братская помощь пострадавшим в Турции армянам. М., 1898, с. 649.

⁵⁰ Там же, с. 650.

⁵¹ Лихутин М., Русские в Азиатской Турции в 1854-1855 гг., СПб, 1863, с. 267-268.

⁵² Там же, с. 268.

⁵³ Там же, с. 268-269.

влияния европейских посольств и консульств на турецкое правительство. Христиане сами должны прибегать к более верному средству своей защиты, к собственному оружию, но, без сомнения, не все успевают и могут защищать себя. Я уверен, что в последнее время вырезали немало Армян, в одиночных случаях сведения о том не могут доходить из здешних отдельных глухих мест, до редакций европейских журналов, а посольства и консульства, вероятно, имеют расчет скрывать их. Защита христиан возможна не словами, а делами и присутствием армий».⁵⁴

Лихутин не скрывает, что решение вопроса, в первую очередь, вытекает из выгод самой России: *«Единая и могущественная Россия как была нужна прежде для спасения себя и своих соседей от опустошений варварских народов, так нужна и теперь, если не для переворота в судьбе их для блага будущих поколений, то для собственной безопасности...»*⁵⁵

В русских изданиях можно встретить множество примечательных отрывков, касающихся Армении и армянского народа. Общеизвестно, что во всех русско-турецких войнах Армения являлась ареной военных действий. Поэтому многие русские офицеры, которые прошли по армянской земле, восхищались его древнейшими городами и архитектурными шедеврами, и, конечно, в их воспоминаниях особенно похвальные слова можно найти об армянском гостеприимстве. Листая страницы одного известного русского журнала, наше внимание привлекли записки русского офицера, озаглавленные «Из походного дневника». Вначале заглавие не внушило должного внимания. Казалось, что обыкновенный русский офицер расскажет про свои подвиги на полях сражений. Но когда мы подробно прочитали его записки, то впечатление сразу изме-

⁵⁴ Там же, с. 272.

⁵⁵ Там же, с. 273.

нилось: русский офицер рассказывал о древних городах Армении, находившихся по пути их следования.

Эти отрывки из его записок мы адресуем уважаемому русскому читателю: «Из руин древнеармянского Ширакана можно догадываться, что это был когда-то город, сверстник Ани. От прежнего его величия осталась одна только полуразрушенная церковь. Памятники, наиболее пережившие лавшую цивилизацию – это памятники религии, несмотря на то, что в них с наибольшей силой бьет молот вандализма и фанатизма. Что осталось от столичного города, имевшего сорок верст в окружности. И как это звание величественно в самих своих остатках! В Тифлисе нету такой большой церкви. Купол совсем разрушен, но стены и внутренние перекрещенные арки еще целы... Снаружи находятся две армянские надписи, очень хорошо сохранившиеся. Немало мы бились над ними с армянином Бабкеном, пока исторгнули у них какой-нибудь смысл».⁵⁶

Надписи настолько заинтересовали русского офицера, что он специально перевел их на русский язык и поместил в своих воспоминаниях. Он не забыл также особо подчеркнуть гостеприимство армян: «Утром нас угостили кислым молоком (у нас называется Тан. А.О.) и лавашами. Лаваш – это белый хлеб, испеченный не по нашему – пирогом или булкой, а в виде тонкой и обширной лепешки. За сходство лавашей с листами газетной бумаги казаки звали их газетами».⁵⁷

Этот отрывок из записок русского офицера посвящен Тикинскому замку (ныне, вместе со многими другими армянскими архитектурными памятниками этот замок тоже находится на территории Турции – А.О.). «Тикинский замок нам представился как чудное зрелище. Косые лучи утреннего солнца просвечивали сквозь

⁵⁶ «Военный сборник», 1860, № 5, с. 154-155.

⁵⁷ Там же, с. 156.

его прорехи и трещины, из-за черных его стен, как чаяние лучшей жизни из-за гроба страдальца. Гудович бил ее из пушек. О горе мне, грешнику сужу об архитектуре, понятия не имею... Понятно становится, почему Наполеон брал с собою в поход ученых. У нас их нет, и мы не можем иметь удовольствия сказать перед боем: «Поставьте ученых и безграмотных в центре армии». ⁵⁸ Как заметили, описано довольно правдиво.

Автор этих записок русский генерал Н. Шнеур, принимавший непосредственное участие в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Записки читаются с большим интересом, так как в отдельных местах они украшаются художественными оттенками, «виновник» которых столица древней Армении город Ани: «По временам нахождения наших войск около древней армянской столицы Ани, – рассказывает Шнеур, – все мы постелили воспользоваться для внесения хоть кое какого развлечения в нашу скучную жизнь, начинавшую сильно надоедать своим однообразием. Полковой праздник одного из полков в Ани привлек значительное число гостей...

Любезные хозяева, успевшие уже ранее ознакомиться со всеми достопримечательностями и руинами древнеармянской столицы, служили проводниками. День тот навсегда останется памятным для всех участников... Прелесть сохранившихся частей, чудесные каменные узоры всевозможных архитектурных укреплений, непостижимые плоские узорчатые своды, солидность построек, не поддавшихся ни вековым усилиям времени, ни усилению рук варваров – все это приводило в невольный восторг. Этот участок еще мало исследован и мало известен. Без сомнения, самое интересное место во всем крае, вновь присоединенная к нашим владениям...». ⁵⁹

⁵⁸ Там же, с. 156–157.

⁵⁹ «Кавказ», 1855, № 133, с. 207.

Подобные мысли читаем и у другого русского автора И. Иванова. Подробно описывая Ани и постигнув ее горькую судьбу, он пишет: «Из всех памятников Армении, только руины Ани отличаются своими разнообразием и красотой. Они, несомненно, еще длительное время на себя влечут внимание как археологов, так и любителей древности». ⁶⁰

А эти строки принадлежат уже легендарному генералу Н.Н. Муравьеву: «Места, по которым пролегал наш путь, были широкие равнины. Земля была плодородной, поля хорошо обработаны. Крестьяне, в особенности армяне, были депортированы по приказу турецких властей, из-за отношения к нам». ⁶¹ Русский генерал признается, что «отношения этих двух народов (имеет ввиду армян и турок – А.О.) в корне изменились с момента начала войны». ⁶²

В русских журналах довольно много публикаций, посвященных славному армянскому роду Лазаревых. Одна из московских центральных газет приводит очень интересное и характерное сравнение: «Когда в отечестве нашем умножаются Богоугодные и общепользные заведения и число ревнителей славы Голицыных, Шереметьевых и Демидовых увеличивается, то священный долг всякого правдолюбивого журналиста есть доводить о таковых благотворных деяниях соотечественников своих до сведения публики. Ныне исполняя долг сей, всегда приятнейший нашему сердцу, с удовольствием сообщаем читателям о новоустроенном в Москве и содержимом иждевением фамилии Лазаревых, Армянском учебном заведении, для образования и воспитания преимущественно детей армянской нации». ⁶³

⁶⁰ Там же.

⁶¹ «Русский архив» 1877, № 3, с. 315.

⁶² Там же, с. 320.

⁶³ Собрание актов..., ч. III, с. 23–34.

Особенно примечательна концовка статьи: «История государства объемлет все подвиги народа, на военном и гражданском поприщах и может только в краткости излагать дела ревнителей общей пользы и народного просвещения. Но имена сподвижников добра и пользы отечества и человечества, — продолжает автор, — должны сохраняться в истории для утешения и примера. Цель жизни всех членов семейства Лазаревых была благотворительность и просвещение и они нашли награду в уважении к ним всех людей благонамеренных, просвещенных и беспристрастных».⁶⁴

Нижеприводимую публикацию мы нашли в газете «Санкт-Петербургские ведомости»: «Добрая мысль учредителей заведения, имевшая основанием своим благотворительность, пустила глубокие корни, развилась, окрепла и дала самые богатые плоды. Лазаревское училище стало не только одним из главных учебных заведений в государстве, но вместе с тем стало звеном связующим с государством новые племена. Бесспорна заслуга учредителя должна быть ценима не только соплеменниками, но и каждым Русским, который понимает всю важность благого дела народного просвещения».⁶⁵

В развитии армяно-русских культурных связей особенно большую роль сыграл гениальный живописец *Иван (Оганес) Константинович Айвазовский* (1817–1900). Он был лично знаком с А.С. Пушкиным, В.А. Жуковским, И.А. Крыловым, В.Г. Белинским, В.И. Гоголем, П.А. Вяземским, Н.И. Краемским, В.Г. Перовым, К.П. Брюлловым, А.И. Ивановым, М.И. Глинкой, А.П. Чеховым и другими выдающимися деятелями русской культуры, которые высоко ценили художественный талант Айвазовского. А.Майков посвятил Айвазовскому стихо-

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ «Санкт-Петербургские ведомости», 18 фев. 1856г.

творение, И. Репин назвал его «великим авторитетом», «крупным художественным именем Академии художеств». В своих воспоминаниях Репин описывает восхищение русской художественной молодежи своего времени произведениями Айвазовского, «армянского гения великой России».

В 1880 г. в Феодосии Айвазовский открыл первую в России периферийную картинную галерею. Он был почетным гражданином Феодосии, помогал не только своим землякам-армянам, но и русским голодающим. В 1898 г. в Москве были выставлены работы Айвазовского, осуждающие Геноцид армян в Османской Турции. Айвазовский, который являлся официальным художником — маринистом Черноморского флота, был похоронен с воинскими почестями в Феодосии, во дворе армянской церкви Сурб-Саркис (Св. Саркис).

Мастеру художеств посвящена публикация журнала «Отечественные записки»: «Картины Айвазовского восхищают петербургскую публику и представляют собою явление в высокой степени почтенное и замечательное. В то время как раздавались голоса, что воображение его утомлено, что он повторяется, поэтическая кисть художника действительно повторялась, но как повторялась! Он рисовал те же волны — это правда, но с каким высоким превосходством над прежними... Айвазовский сделал великий шаг на пути, с которого ему уже не вернуться. Из пейзажиста он стал историческим живописцем и тем доказал, что талант его возмужал, что он не из таких, чтобы повторяться...».⁶⁶

«В итоге полувековой годовщины художественной деятельности, — писала, в свою очередь, «Русская старина», — Айвазовским написано до 2.300 картин, очень многие из них представляют совершенство, повторяем —

⁶⁶ «Отечественные записки», 1864, т. 157, с. 899.

почти феноменальное явление в живописи. Все они служат украшением сотни музеев, общественных заведений, едва ли не во всех странах старого и нового света. Многие из русских художников заняли видное место на страницах истории отечественных художеств, но, как справедливо замечено, завистный жребий снискать вполне европейскую славу выпал на долю лишь не многих русских и к числу этих немногих принадлежит художник Иван Константинович Айвазовский.⁶⁷ Об одном только можно сожалеть; в этих восхвалениях мы нигде не встречаем подтверждения, что оно по национальности армянин.

Естественно, россиян, в первую очередь, интересовал вопрос дальнейшего состояния армяно-русских отношений. Заметим сразу, что русские авторы в этом вопросе выступали как заинтересованная сторона, поэтому приводят множество примеров армяно-русского сотрудничества, начиная со времен Киевской Руси. Они с особым одухотворением оценивают присоединение Армении к России, подчеркивают его историко-политическую важность: «1828 года, марта 21, воскресло имя древней Армении в прежних Персидских ханствах, — пишет С. Глинка. — ...оно воскресло в названии Области Армянской, ознаменованной преданиями, переносщими мысль к второму возрождению рода человеческого... В возрождении области Армянской блеснула уже заря новых судеб Провидения. Армяне не воевали для войны, они воевали или за отечество, запечатленное в сердцах их и изображенное на древних их щитах, или за независимость, которую ценили выше жизни своей».⁶⁸

Представляя роль армянских колоний в развитии экономики России, русские историки и здесь спешат привести положительные выводы в адрес армян: «Если

русским двором, которые вели Юрий Долгорукий и Ордин — Нашекин, армянское торговое общество 31 мая 1667г. заключило договор, который позже был утвержден царем Алексеем Михайловичем. Согласно этому договору, армянские купцы получали право совершать транзитную торговлю в Европу и Азию по Волжскому пути, оплачивая всего 5 процентов пошлины. Заметим, что все иностранные купцы платили 10 процентов пошлины, без права на транзит.

Дальнейший процесс утверждения армян в России бесспорно связан с именем Петра Великого и, в первую очередь, диктовался внутренними и внешними потребностями русского государства.

Во-первых, Каспийское море приковывало к себе особое внимание Петра I; он предполагал связать Каспийское море с Балтийским и в дальнейшем с Индией. Большой мечтой Петра Великого было открытие пути для европейской торговли через Россию в Индию.

Во-вторых, преследуя цель — укрепление прикаспийских губерний, Петр Великий прекрасно осознавал, что магометанское население этих земель не будет сотрудничать с ними, поэтому император старательно пытался ослабить там мусульманский элемент, заменив его христианским.

Наилучшим средством для решения этой задачи он считал усиление христианского населения, прямо указывая на армян. Иными словами, российское правительство было сильно заинтересовано в том, чтобы вся прибыль, получаемая с торговли шелком в Персии, текла в русскую казну, поскольку торговля сырьем была сосредоточена в руках армян. В русских источниках есть даже упоминание об армянском предпринимателе Манвеле Исханове, который взял в свои руки весь сбыт шелка и создал акционерное общество, которое было первым в России.

⁶⁷ «Русская старина», 1887, № 10, с. 265-266.

⁶⁸ Глинка С.Н., Обзорение истории..., с. 21, 27.

Следующий важный момент: Петр, стремясь укрепить прикаспийские регионы, как мы заметили, хорошо понимал, что мусульманское население этих областей не может смириться с христианскими властями, позже делал ставку на армян, что было вполне обдуманно и обосновано. Подробно изучив приказы, отданные императором генералам Кропоту и Матюшкину Петр велел предоставить армянам самые широкие возможности и помочь поселиться последним в пределах России. *«Чтобы всяким образом стараться Армян призывать для поселения в провинциях Гилян, Мазанюран, Баку, Дербент и других удобных местах, принимать их ласкою и причем содержать во всякой милости и охранении, отводить им в пристойных местах удобные для них поселения земли и отдавать им в городах и селах те дворы, которые пусты»*.⁹⁹

Известный ученый-арменист С. Глинка по этому поводу пишет: «Петр приглашал армян как полезных граждан и покровительствовал им как своим единоверцам... В числе многих, которые удостоились всеобщего уважения и доверия, была семья Лазаревых».¹⁰⁰ С другой стороны, не надо забывать, что российский двор и в дальнейшем при проведении своей политики в регионе, в первую очередь и главным образом, опирался на армян. Более того, посредством армян исполнялись важные поручения российских императоров. Судите сами: «В 1814г. умер Шекинский хан Джафар-Кули. Император Александр по праву наследственности утвердил на трон сына умершего хана – Измаила, – пишет не менее известный кавказовед, ученый секретарь Российской Академии наук Н. Дубровин. – Получив это поручение, наместник

⁹⁹ Бутков П.Г., Материалы по..., ч. 1, с. 76.

¹⁰⁰ Глинка С.Н., Описание переселения армян адербиджанских в пределы России, М., 1831, с. 17.

Кавказа генерал Ртищев посылает генерал-майора, армянина по национальности, Ахвердова в Нуху. Исполняя это поручение, генерал Ахвердов передал Измаилу письмо наместника Кавказа, в котором говорилось: «поступать с подвластным ему народом кротко и правосудно, а в особенности с армянским народом. Не обременяя его излишними податями... не взыскивать под каким бы то ни было предлогом или названием особой подати за веру христианства, так как эта вера господствующая во всей империи».¹⁰¹

Это сведение вновь подтверждает тот факт, что в Южном Закавказье русское правительство, следуя заветам Великого Петра, в качестве своей главной опоры видела армян. Более того, армянское население для российского правительства было весомым аргументом в реализации намеченных целей в Закавказье.

Во всяком случае, нас к этому приводит следующая заметка Н. Дубровина: «Притеснение армянского населения со стороны прежних ханов и постоянное взыскивание пошлины за веру заставило армян обратиться к русскому правительству освободить их от ханского произвола и назначить русского правителя... это желание большей части жителей послужило прекрасным поводом для наместника, чтобы прекратить ханское правление и эти земли присоединить к империи».¹⁰²

Надеясь на всестороннюю помощь армян в регионе, русское правительство прекрасно понимало также, что Армения, находясь на перекрестке Европы и Азии, может решать не только политические, но и экономические задачи. «С древнейших времен Армения славилась развитием торговлей, – пишет В. Потто. – Находясь на пере-

¹⁰¹ Дубровин Н.Ф., История войны и владычества русских на Кавказе, т. VI, СПб, 1886, с. 145.

¹⁰² Там же, с. 146.

сечения Азии и Европы, она своим положением как бы предназначалась для торговых сношений».¹⁰³ По мнению русских авторов, армяне предприимчивый народ и одарены большими навыками в промышленности и торговле.

Армении предписывается также роль «ближайшего посредника» России в регионе. Примечательно, что привилегированность армян в торговле русские авторы не связывают только с торговыми выгодами: «Армяне... отличаются от всех восточных народов особенною силою и стремлением к наукам и искусствам, — пишет Потто. — Приводя умом и изобретательностью торговлю в движение в различных странах Азии, они даже в Индии внушают уважение к своей вере».¹⁰⁴ Отсюда и наше важное обобщение: почти во всех книгах, посвященных Армении и ее истории, русские авторы придавали Армении важное стратегическое значение в деле сближения Европы и Азии. С. Глинка, например, указывая благоприятное географическое положение Армении, подтверждает ту существенную мысль, что «Армения по местному положению своему есть единственное сухопутное сообщение Европы с Азией».¹⁰⁵

Очевидно, что армяне в России и особенно в ее южных краях дали толчок развитию экономики и благодаря им неводеланные земли превратились в новый источник доходов для России, о чем свидетельствуют многие высокопоставленные должностные лица.

В одном из номеров «Санкт-Петербургского журнала» в 1806 г. был помещен отчет министра внутренних дел России, где наше внимание привлек раздел, посвященный шелководству: «С удовольствием можно заметить, что шелководство от одного года к другому более

*Григорий
Потемкин*

*Платон
Зубов*

Валериан Зубов

*Гудович И.В.
генерал-фельдмаршал*

¹⁰³ Потто В., Кавказская война..., т. 1, с. 656-657.

¹⁰⁴ Глинка С.Н., Обзорение истории..., ч. 1, с. 2, 226.

¹⁰⁵ Там же, с. 35.

Кноринг К.Ф.
генерал-лейтенант

Цицианов П.Д.
генерал-лейтенант

Ртицев Н.Ф.
генерал от инфантерии

Ермолов А.П.
генерал от инфантерии

укореняется и начинает уже распространяться в тех местах, кои в общий план не входили. Так, при городе Нахичевань (ныне Ростов-на-Дону) вновь заведены обывателями шелковые роши.

Между тем, согласно установленным правилам, для отличившихся определены пристойные награждения и сделаны денежные ссуды, в том числе Кизлярскому жителю, *армянину Моисею*, особенно в хозяйстве сем отличившемуся к представившему на денежные обеспечения, отпущено 10 тыс. рублей»,¹⁰⁶ – читаем мы в отчете. «На 70 верстах от Кизяра в 1735г. был построен шелковый комбинат. В 1792 г. из работников завода 227 были армяне, 153 грузины, 35 русские. – говорилось в книге П. Быткова. – С 1764 г. завод принадлежал армянину Хастатову».¹⁰⁷ В книге упоминается также завод, построенный армянским предпринимателем Сафаром Васильевым.

Армяне считались одними из самых предприимчивых народов региона, которые умеют собственными усилиями и трудолюбием достичь своих целей. Так, в книге «Закавказские очерки», которая вышла в свет в середине XIX века, армяне характеризуются следующим образом: *«Армяне, самый достойный народ для изучения и до сих пор слишком малоизведанный, неоспоримо занимают первое место между жителями Закавказья по способностям, деятельностью и стремлением к просвещению... Армяне всегда считались деятельнейшими тружениками Востока. В городах ум их развертывается и нет рукоделья, нет промысла, которым бы они не занимались»*.¹⁰⁸ Автор книги Гагемайстер в своих характеристиках достаточно объективен: «Одаренные в высокой степени духом предприимчивости и наклонностью к тор-

¹⁰⁶ «Санкт-Петербургский журнал», 1806, № 1, с. 55-56.

¹⁰⁷ *Бытков П.Г.*, Материалы по..., ч. 1, с. 159.

¹⁰⁸ *Гагемайстер А.*, Закавказские очерки, СПб, 1845, с. 18-19.

говым оборотам, они с незапамятных времен владеют исключительно торговлею не только Грузии, но даже и почти всех других Закавказских провинций. Стоит только указать им какую-либо новую отрасль, и они готовы пуститься в дело мало им известное и даже сопряженное с опасностью»¹⁰⁹.

По мнению русских авторов, армяне всего этого достигли исключительно благодаря трудолюбию и своим усилиям. Например, один из русских авторов говоря о предприимчивости армян, отмечает: *«В промышленном отношении Армяне имеют мало соперников: они терпеливы, трудолюбивы, сметливы и превосходно умеют практически рассчитывать вероятность успеха и неудачи всякого предприятия»*.¹¹⁰ В русских изданиях можно встретить множество таких похвальных слов. Их можно прочитать и у проф. Ковалевского: *«Армяне прежде всего христиане, а потом – люди умные, трудолюбивые, знающие край и дело, державшие в своих руках промышленность, земледелие и торговлю. Армяне преданы России... Во многих отношениях они были полезны России не только в пределах России, но и вне их. Так это было и на деле. С ними можно вести дело без опасения, что они предадут вас»*.¹¹¹

Подобные высказывания можно прочитать и про Западных армян, которые позже вынуждены были переселиться в Россию, особенно на Черноморское побережье, спасаясь от турецкого зверства. «Среди населения Оттоманской империи видное место занимают армяне. Один из древнейших народов старого света, армяне, пережили в своей истории много тяжелых переворотов, то возводивших их на вершину национального могущества и процве-

тания, то низвергавших до участи бесправных рабов иноземных завоевателей», – пишет И.И. Голобородько.¹¹²

И несмотря на это, – далее продолжает автор, «обладая разносторонним природным дарованием, большой любознательностью, редким умением приспособляться, армяне успешно пробиваются даже при неблагоприятных внешних условиях. Вместе с греками они прибрали в свои руки всю торговлю Турции. В городах без армян не обходится ни одна сколько-нибудь серьезная отрасль техники, науки, искусства, ремесла. Лучшие доктора – армяне, адвокаты – армяне, учителя – армяне, инженеры, артисты, финансисты, банкиры, лавочники, предприниматели – опять армяне».¹¹³

В русских изданиях часто можно встретить примечательные отрывки об армянских предпринимателях. Русскому читателю, и особенно москвичам, хорошо знакома фамилия Лазаревых. Эту выписку, к примеру, мы нашли в газете «Северная пчела». Она посвящена книге профессора московского университета А. Зиновьева «Исторический очерк Лазаревского института восточных языков» (СПб, 1855): «Все пожилые люди в Петербурге, – говорится в статье, – помнят графа Валицкого жившего в начале нынешнего столетия, ведущего крупную торговлю драгоценных камней по всей Европе и Константинополе и что главным поверенным его был француз Тремон – служивший в свое время в кабинете последнего короля польского Станислава Августа. Граф Валицкий подарил Тремону альбом, в котором было описание всех драгоценных камней, находящихся у разных Европейских государей, веса и цены этих камней и истории приобретения.

Так вот, в этом альбоме находится рисунок крупного алмаза, обозначены его вес и цена, за которую купила

¹⁰⁹ Там же, с.19.

¹¹⁰ Шопен И.И., Исторический памятник..., с. 709.

¹¹¹ Ковалевский П., Завоевание Кавказа, СПб, 1887, с. 80-81.

¹¹² Голобородько И.И., Турция, с. 218.

¹¹³ Там же, с. 219-220.

этот алмаз у Лазарева императрица Екатерина Вторая. Это самый большой алмаз из известных ныне во всем мире. В истории этого алмаза сказано, что приобретен Лазаревым в Восточной Индии.¹¹⁴

Представляя другие подробности коммерческой деятельности Лазаревых, автор статьи далее пишет: «Умом своим и деятельностью, при огромном богатстве, Иван Лазарев был чрезвычайно полезен государству, исполняя поручения правительства и старался всеми мерами показывать свою любовь к России и усердие к правительству... при доверии, какое внушал Лазарев и при пособиях им оказанных, тысячи Армянских семейств перешли в Россию и основали города Кизляр, Ростов на Дону, Григорополь, и разные селения и колонии в Крыму».¹¹⁵

В некоторых номерах журнала «Русский архив» 1891г. помещены записки А. Фадеева, в которых рассказывается о бакинских мещанатах, братьях Аршаруни: «Мое знакомство с этими удивительными людьми произвело на меня большое впечатление. Более чем удивительно, что они были армянами, которые по общему мнению больше всего любят взять, чем отдать... В рыбной артели меня встретил управляющий рыбными промыслами армянин Аршаруни. Видно было, что Аршаруни старательно занимался устройством дел своей компании. В душе этого коммерсанта, поглощенного, казалось, сплона расчетами, оборотом, томилась заветная идея и зрела душевная мечта. Эта мечта была строение диковиной на удивление всего Закавказья».¹¹⁶

Генерал Н.Н. Муравьев в знаменитых своих записках рассказывает, что в переговорах с туркменами правитель Кавказа, генерал Ермолов, в первую очередь, обра-

щался за помощью к армянину Петровичу.¹¹⁷ В его записках также упоминается врач-армянин Тер-Асатуров: «В Сурамском карантине я встретил доктора медицины Тер-Асатурова... Соломон Тер-Асатуров, — пишет далее генерал, — был сыном тифлисского священника и находился в обучении и вместе в услугах у лекаря Шагриманова, известного в Грузии чудака, который давал мне уроки турецкого языка. Он поехал в Москву, учился в университете врачеванию и я ему тогда дал рекомендательное письмо. Через пять или шесть лет он возвратился в Тифлис с дипломом доктора медицины и определился уездным лекарем в городе Гори. Человек сей, пришедший из невысокого звания, сумел в короткое время образовывать себя и пользовался доверием в своем уезде, где его находили искусным врачом...».¹¹⁸

Русские авторы, аргументируя предприимчивость армян и их деловые качества, вместе с тем они пытались вызвать некоторую «зависть» в русской общественной среде. П. Зубов, например, по этому поводу пишет: «Армяне неоспоримо занимают первое место среди жителей Закавказья, по способностям, деятельности и стремлению к просвещению... Они всегда считались деятельными тружениками Востока. И если в селениях они почти не отличаются от других, зато в городах ум их развивается и нет рукоделия, нет промысла, которым бы они ни занимались. Преданность их России не подлежит сомнению.

Одаренные в высокой степени предприимчивостью и склонностью к торговым оборотам, — продолжает Зубов, — они владеют исключительно торговлею не только в Грузии, но и во всех Закавказских провинциях. Сама торговля европейскими товарами производится тифлисскими армянами. Одним словом, стоит только указать им

¹¹⁴ «Северная пчела», 11 фев. 1856 г.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ «Русский архив», 1891г. № 2, с. 234.

¹¹⁷ Там же, 1894, № 1, с. 35.

¹¹⁸ Там же, с. 33.

какую-либо новую отрасль, и они готовы пуститься в дела мало им известные и даже сопряженные с опасностями. Соседние народы не могут вести хозяйство без посредничества армян. *Все должности, которые требуют образования, терпимости и предприимчивости, заняты армянами. Во всех персидских и турецких областях предпринимательство, ремесла, торговля и дипломатические переговоры – все это привилегии армян...*¹¹⁹

Естественно, что многие русские авторы, стараясь ответить на вопрос, какую пользу принесет Армянская область России, в первую очередь, подчеркивали значение развития экономических связей с Персией: «...единственный путь которой лежит через Армению и это очень важно для России», – пишет к примеру Н. Нефедьев.¹²⁰ Вместе с тем, они придавали важное значение также развитию торговли между Россией и Арменией: «Армения... по неистощимому богатству и видом на соседственные владения, заслуживает, чтобы ближе познакомиться с нею, изучить ее собственно в отношении к торговле».¹²¹

Считая Армению важным торговым путем для развития связей с Востоком, автор даже упрекает русских купцов за то, что они упустили это важное обстоятельство: «На Араксе и в горах Карабаха мне встречались Владимирские разносчики с гадательными книжками, которых никто здесь не понимает... и нигде ни одного русского купца с полезными произведениями, или хотя бы предложениями. Конечно, съездить в Грузию и вообще за Кавказ, несколько труднее, нежели побывать на Нижегородской ярмарке, но что же без усилий достигается. И кто посвятит себя какой-либо полезной умы, кто проникнут предприимчивостью?»¹²² – спрашивает Н. Нефедьев.

¹¹⁹ *Зубов П.*, Картина Кавказского края... с. 15.

¹²⁰ *Нефедьев Н.*, Взгляд на Армянскую область, СПб, 1839, с. 52.

¹²¹ Там же.

¹²² Там же.

И то обстоятельство, что армяне вынуждены были по многим политическим и экономическим причинам оставлять свою родину, часто спасаясь от турецких погромов, не вина самих армян. Но, где бы армяне ни утверждались, они всегда проявляли себя только положительными и деловыми качествами. «Армяне разбросаны по разным странам Европы, что не дает возможности дать обобщенную оценку, – читаем мы у Дюлорие. – Кроме характерных черт армянского народа, между ними есть достаточно различий: индийский армянин благодаря торговле достиг больших успехов, австрийский армянин крупный землевладелец, в штатах они главные представители правительства, российские армяне преимущественно отличаются в военном и гражданском областях».¹²³

Можно предположить, что русского читателя заинтересуют сведения, приведенные в журнале «Военный сборник»: из армянских городов, имевших свыше 10 тыс. жителей, приводятся города: Александрополь (20,6 тыс.), Эривань (12,5 тыс.) и Шуши (24,5 тыс.). Превосходящим по населению в этом смысле был Тифлис (104 тыс.). Так вот, по данным той же статистики, которые, между прочим, приведены из переписи 1876г., армяне составляли 36,16 %, русские 29,62 %, грузины всего 21,3%, остальные 12,9% население Тифлиса. Кстати, армяне составляли всего 13,4% населения Закавказья.¹²⁴ В журнале приведены также некоторые, на наш взгляд, интересные данные, касающиеся армян, проживающих в Туркменистане. Среди жителей 2000-го Ашхабада, большинство составляют армяне, евреи, персы и курды. Среди жителей 1500-го города Мерва армяне, бухарцы и хивийцы. Среди 1000-го Красноводска – армяне, русские и персы. Не

¹²³ «Кавказ», 1854, № 80, с. 323.

¹²⁴ «Военный сборник», 1884, т. 156, с. 159-160.

трудно догадаться, почему в этих трех больших городах первыми замечены армяне.¹²⁵

Как бы продолжение этой темы, хочется привести мысли из записок одного русского автора, напечатанных в журнале «Русское обозрение». Записки Е. Маркова посвящены полузабытому в тогданные времена Туркменистану, а что заинтересовало нас в них, вы узнаете из следующего отрывка: «Тут нужны капиталы, знание, смелая инициатива, а к нам являются чуть ли не нищие, люди нигде не годные на родине, ничего не умеющие и ничего не имеющие. Поневоле Армяне и захватили все в свои руки! Это владыки азиатской торговли, которые не побоятся никакой европейской конкуренции. Они тут у себя дома, чуть ли не с самого всемирного потопа. И к ним тут все привыкли, а они тут ко всему привыкли. Куда же Еврею сравняться с Армянином. Он тут дышит рядом с ним».¹²⁶

Как заметили, в записках есть некая зависть, если не сказать более, но с другой стороны, автор представляет истинную картину происходящего: «В этом смысле можно, пожалуй, считать Армянина передовым цивилизатором азиатской дичи, — продолжает Марков. — Армяне вместе с тем являются и самым подручным толмачом в сношениях Русских с завоеванными ими глухими уголками Азии».¹²⁷ Полагаем, что нет нужды комментировать последнюю мысль русскому читателю: не комментируем.

Не скроем также, что в нынешнем российском обществе, а также в отдельных публикациях существует мнение, что армян сюда никто не приглашал. Думаю, что сказал даже не все. Хотим заверить сразу: это, конечно, далеко не так. И то что, этот раздел книги мы начали именно

¹²⁵ Там же, 1887, т. 178, с. 320.

¹²⁶ «Русское обозрение», 1892, № 5, с. 61.

¹²⁷ Там же, с. 70.

Паскевич И. Ф.
генерал-фельдмаршал

Воронцов С. М.
генерал-фельдмаршал

Муравьев Н. Н.
генерал-фельдмаршал

Барятинский А. И.
генерал-фельдмаршал

*Исраэл Ори
Посол Петра I
в Персии*

*Ахвердов Н.И.
посланник царя
Александра I*

*Давид Делянов
генерал-майор
герой 1812 г.*

*Иван Делянов
граф, 1882-1897 гг.
министр просвещения
России*

мыслями великого Петра, любезный читатель, далеко не случайность: имя Григория Потемкина-Таврического, думаю что о многом говорит. И вот, в обращении к своему брату, Павлу Потемкину, 4 февраля 1784г. великий князь пишет: «Сейчас мне очень надобно иметь данные о семьях Эриванских армян, которые есть у доктора Рейнегса.¹²⁸ Очень прошу, постарайтесь как можно скорее принести мне эти списки. Присылайте хоть только Эриванские».¹²⁹

Нетрудно заметить, что речь идет о приглашении на поселение армян в Таврию, т.е. в Крым. К сказанному добавим также сообщение одной из российских газет: «Масса армянских выходцев, в течение столетий пополнивших пределы России, — пишет газета, — не были простым количественным придатком к существующим народным силам. Рядом с толпами измученного рабством народа, переселение армян приносило в Россию их лучшие силы. Рядом с бедствующими, лиуцими крова и убежища переселенцами, потекло в Россию богатство, дарования, коммерческая опытность и практические знания».¹³⁰ Согласитесь, что эти слова и поныне не потеряли своей актуальности.

Если не убедили русского читателя, тогда продолжим. Эти строки принадлежат российскому императору Александру I. В приказе от 12 сентября 1801г. сказано: «Надо умножить число преданных России. *Особенно в нашу сторону надо привлечь армянский народ* (подчеркнуто нами — А.О.)».¹³¹ Как видим, в отношении армян политика российского двора, несмотря на вековую давность, не изменилась: как в свое время Петр I, так и Александр I исполнение этой политики видели, в первую

¹²⁸ Яков Рейнегс исполнял разные поручения Г. Потемкина и был прислан в Тифлис.

¹²⁹ «Русская старина», 1879, № 2, с. 432.

¹³⁰ День, 1865, № 33.

¹³¹ Бутков П.Г., Материалы по..., ч. 1, с. 504.

очередь, в получении поддержки армян. Поэтому, учитывая сложившиеся нынешнюю обстановку в кавказском регионе, можно констатировать: так чередовались века, но не менялась политическая стратегия России по отношению к армянам.

Тем не менее, продолжаем. Вот строки из манифеста Александра I от 1 января 1807г. «О новых правилах и преимуществах российскому купечеству. О иностранном купечестве в России»: «Армянское купечество в России водворившееся, которому в лице обществ прежде были по временам дарованы изъятия, тогдашним обстоятельством сообразуя... Мы желали бы, чтобы сей народ, преданный Российскому престолу, воспользовался правами Городового положения и новыми преимуществами, к которым, несомненно, примыкают все, до сего бывшие выгоды».¹³² Это же веление отправил император Павел I 23 января 1801г. наместнику Кавказа генералу Кнорингу: «Ищите Армян интересоваться к сближению для торговли...».¹³³

Анализируя результаты поселения армян в российских владениях, русские авторы, в первую очередь, подчеркивали факт усиления южных российских границ. «Польза поселения армян была ощутима и очевидна, – пишет С. Глинка, – тем более, что умножение водворенного христианского племенного народа может поставить на рубежах России надежный оплот к отражению неприятных действий сопредельных жителей, особенно турок и горцев. Россия, поддерживая новое создание свое, может ожидать важную пользу от поселения пустых земель в новозавоеванных областях. Кизляр и Ростов-на-Дону тому разительный пример».¹³⁴

¹³² «Санкт-Петербургский журнал», 1807, № 7, 18.

¹³³ Бутков П.Г., Материалы по..., ч. 11, с. 470.

¹³⁴ Глинка С.И., Описание переселения..., с. 93.

«Переселение армян в Россию принесло ей огромную пользу... – пишет в свою очередь В. Потто, – в занятых областях утвердился трудолюбивый и, с уверенностью можно сказать, единственный земледельческий народ в Закавказье».¹³⁵ «Появление в разных странах армян, в первую очередь, было обусловлено тяжелым положением собственной родины, когда вследствие иноземных вторжений они были вынуждены оставить свою родину и найти приют в странствовании... Но, несмотря на это, армяне в этих странах проявили большое трудолюбие и предприимчивость. Они имели такое влияние в Индии, что английские артели действовали исключительно при посредничестве армян», – говорится в книге М. Нейман.¹³⁶

Следует отметить, что большую помощь армянскому народу оказал великий русский полководец А.В. Суворов. При его участии началось переселение армян. В 1780г. в Петербурге Суворов вместе с Иосифом Аргутинским-Долгоруковым и Иваном Лазаревым обсуждали вопрос об освоении Армении. Приехав в Астрахань, в 1781г. Суворов встретился с представителями армян и разработал план похода русских войск на Кавказ и Армению.

Что касается армян, то они с одобрением приняли весть о планах Екатерины II, князя Потемкина и графа Зубова об основании армяно-грузинского царства под протекторатом России. Обсуждался также церемониал коронации нового армянского царя в Эчмиадзине, новый герб Армении, армянские государственные ордена: Ноева Ковчега на радужной ленте, Неукротворного образа и Григория Просветителя.

Но вместе с тем и как бы продолжая эту тему, с горечью констатируем, что в русском обществе сегодня

¹³⁵ Потто В.А., Кавказская война..., с. 732.

¹³⁶ Нейман М., Армяне..., с. 181.

распространена точка зрения, что армяне в основном торговцы. Скажем больше: эта точка зрения достаточно активно обсуждалась в печати и в русском обществе и раньше. И здесь вопрос несколько не в отрицании: просто надо последовательно расставить мнения русских официальных кругов и крупных ученых по этому поводу. Генерал и историк В. Абаза: «Недостаточность распространения сведений об армянах подала повод к неверным заключениям о земледельческом народе по прегрешениям его торгового мира. В основание таких представлений о целом народе не вошли ни исторические данные, ни даже впечатления, вынесенные из Армении учеными европейскими, и потому представления эти получили характер односторонности, которые по свойству неполноты, всегда несправедливы».¹³⁷

По национальности немка, арменист Магда Нейман: «Одно из глубоких заблуждений, существующих в России относительно армян – это общераспространенное мнение, что они народ «по преимуществу» коммерческий, притом обладающий будто бы особыми торговыми способностями».¹³⁸ Возражая этой точке зрения, автор далее пишет: «Армяне с давних пор были предпринимательским и трудолюбивым народом и с любовью занимались земледелием и животноводством. В этом смысле не торговля составляла главное занятие армян. *Переселенные армяне составляли ничтожно малую часть местного населения и та роль, которую они играют в этих странах, зависит не от их количества, а от их духовных качеств*».¹³⁹

Думаю, что точку в этом вопросе ставит известный русский публицист и политический деятель А. Сазонов.

Обращаясь к русскому читателю и рассуждая по этому поводу, Сазонов последовательно опровергает и дает исчерпывающие ответы на все эти вопросы. Прежде всего, он отвечает на банальный вопрос того времени: была ли вся торговля Кавказа сосредоточена в руках армян? Представляя истинную картину, автор пишет, что из действующих на Кавказе нефтяных артелей только две были в руках армян – Манташевская и Цовьяновская. Между тем, первая производила только 7,2 процента всей бакинской нефти, вторая – 3,2 процента. В той же последовательности Сазонов представляет другие промышленные отрасли: «Из всех этих цифр и фактов можно сделать один вывод: фабричная и заводская промышленность края, за исключением нефти, развита весьма слабо... Вот почему мы позволяем себе утверждать, что ни внешняя торговля, ни промышленность Кавказа не находятся в руках армян и не занимают господствующее положение».¹⁴⁰

Думаем, что соотечественникам А. Сазонова будет интересно узнать его мнение о другом не мало важном вопросе: в чем причина возникшего в отдельных кругах России неблагоприятного отношения к армянам? «В русской печати почти одновременно стали появляться известия об избиениях армян в Малой Азии и необычно резкие нападки на этот народ, – пишет он. – Чем достовернее становятся сведения о неслыханных истязаниях, от которых гибли тысячами старики, священники, женщины и дети, тем нападки некоторых представителей прессы на какие-то присущие армянам нестерпимые особенности становятся чаще».¹⁴¹

У русского народа, – продолжает далее Сазонов, – в прежнее время такого разлада между основными истори-

¹³⁷ Абаза В.А., История Армении, СПб, 1888, с. 1.

¹³⁸ Нейман М., Армяне..., с. 170.

¹³⁹ Там же, с. 177.

¹⁴⁰ Братская помощь... с. У.

¹⁴¹ Там же, с. 253.

чекскими воззрениями русского народа на необходимость, неизбежность заступничества за придавленное и измученное христианское население и грубым издевательством над избитыми в печати не было».¹⁴² В одном только, по мнению автора, армяне перешагнули «границу дозволенности», которое стало предметом зависти у других народов: «Позволим себе указать и на то, — подчеркивает А. Сазонов, — что среди народностей, населяющих Кавказ, армяне выделяются особым стремлением к образованию и наукам».¹⁴³

Примечательно, что редакция сборника, свидетельствуя о фактах, приведенных в статье Сазонова, в конце пишет: «Безусловно достоверный факт, что громадное большинство армян истари было и остается земледельческим... недаром они в истории получили эпитет «трудюбивого». Вот вам и «паразиты» Ex uno disce...».¹⁴⁴

В заключении, хотим привести слова другого русского публициста, которые, по нашему мнению, в комментариях уже не нуждаются: «Вместо того, чтобы поставить на весь народ печать корыстолюбия и виновности, — говорится в редакционной статье журнала «Русский вестник» за 1885г., — было бы более полезным, показать ему пути избавления от этих недугов и кто не знает о претензии армян к служебным постам, чинам и наградам...».¹⁴⁵ И последнее добавление: полагаем, что нынешнему россиянину тоже было бы полезно прислушаться к голосам и советам своих соотечественников.

¹⁴² Там же.

¹⁴³ Там же, с. 260.

¹⁴⁴ Там же, с. 254.

¹⁴⁵ «Русский вестник», 1885, № 2, с. 19-20.

УРОК ТРЕТИЙ:

ВОЕННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

«Армяне воевали и умирали как герои...».

А. ПОПОВ,
генерал, герой 1812 г.

Армяно-русское военное сотрудничество имеет многовековую историю. Еще киевские князья во время своих походов обращались к помощи армян. Так, по просьбе византийского императора Василия II (из армянской династии) русский князь Владимир Святославич (988–1015) отправил шесть тысяч вооруженных воинов ему на помощь, за что получил согласие императора на брак с его сестрой – армянкой Анной. Имеются также сведения, что во время войны с польским королем Болеславом Удалим киевский князь пополнял свои войска армянами. В войске галицкого князя Дмитрия было много армянских воинов. Русская летопись также подтверждает, что в Куликовской битве в 1380 г. в войске Дмитрия Донского сражались многие московские армяне. В Грюнвальдской битве 1410 г. вместе с русскими воевали также два полка армян.

Мы привели только отдельные эпизоды военного сотрудничества армян и русских, в реальности же это сотрудничество продолжалось укрепляться вместе с ростом могущества российского государства.

Начиная с XVIII века одним из главных направлений внешней политики России стал Восточный вопрос, важнейшим элементом которого являлся Кавказский регион. Попытки России приобрести эти территории мирным путем результатов не дали. России оставалось только решить вопрос военным путем; образовался новый Кавказский фронт военных действий, который почти два века приводил Россию к столкновениям с двумя извечными противниками в регионе: вначале с Персией, чаще всего с Турцией. Победы русских войск обеспечили присутствие России в регионе. Кавказ был покорен, Россия приобрела новые обширные территории. Как писал один из военных историков России, великая задача была выполнена, несмотря на то, что в России Кавказ принимали всего лишь как ключ к Востоку.

И все же, исторические события для России складывались так, что даже на Кавказе ей пришлось применить большие силы и терпение: регион был более чем притягателен для европейских стран, каждая из которых хотела укрепиться на сравнительно маленьком участке земли. Англия, Франция, Германия, а позже и США, сменяя друг друга, четко понимали, что все достигнутые цели будут за счет своего сильного конкурента в регионе.

Естественно, появление русских войск в Закавказье внушало надежду армянскому народу, который веками находился под персидским и турецким гнетом. Связывая свои надежды скорейшего освобождения с русскими, армянский народ всеми возможными средствами содействовал русским войскам. Как только начались военные действия, армяне по своей инициативе организовали народные ополчения, а также приняли участие во всех оборонительных и наступательных действиях. За священный долг – освобождение Родины – встал весь армянский народ.

Немаловажным фактором являлось и то обстоятельство, что географически Армения, особенно ее западная часть, была постоянной ареной русско-турецких и русско-персидских войн. И чтобы убедить соотечественников в важности этих войн для российской державы, русские историки в своих работах часто описывали отдельные эпизоды войны, надеясь также на содействие местных народов. Армяне в этом отношении, как показала история, стояли в первом ряду российской политики и не имели себе равных в регионе. Этому способствовало и обострение международной обстановки в конце XIX столетия, когда на арене четко вырисовывались две противоборствующие стороны. Вместе с тем, очевиден был и тот факт, что в малоазийском регионе главным соперником России продолжала оставаться Турция. В этом смысле в России важное значение придавали изучению исто-

рии и общественной жизни народов региона, в особенности армянского народа, как верного и постоянного своего союзника.

Русские авторы, как правило, свои мысли по этому поводу начинали примечательным размышлением: «Мало ли есть русских семей, — пишет В. Потто, — на которых Кавказ в долговременных войнах его не отразился бы навеки потерянной утратой, и кто же вспомнит об этой утрате иначе, чем с гордым сознанием исполненного долга перед великою отчизною, выславших своих сыновей на горный рубеж Азии, не на истребительское дело войны, а на вечное умиротворение края, без которых немислимо было бы покорение — исторически необходимое, вынужденное настоятельными государственными потребностями России».¹⁴⁶

Другой историк, тоже небезывестный, проф. Ковалевский в своей книге «Завоевание Кавказа Россией» пишет: «История завоевания Кавказа Россией должна быть написана кровью, — столько людей, столько средств, столько денег туда отдала Россия. Между тем, именно эта страница русской истории нам, русским, или вовсе неизвестна, или известна слишком слабо. Что-то мерещится о Ермолове, Паскевиче, Воронцове..., но что они там делали — бог ведает...».¹⁴⁷

В русской исторической литературе полно эпизодов и описаний героических подвигов армян, совершивших на поле боя вместе с русскими солдатами: «Звучало оружие Русских у вершин Арарата, и дух Армении стал на вспомогательную стражу полков русских», — читаем мы у С. Глинка. «В 1827 году Армяне сдержали свое слово. Нерес, архиепископ Армянский, одним из первых поспешил к полкам русским и принес к ним с собою свою

жизнь, свою мастигую опытность...», — пишет проф. Ковалевский. — Раздался звон колокольный; отворились врата обители гостеприимной; вышло в торжественном облачении духовенство Эчмиадзинское и в одно время встречает и русских... Воздух оглашается криками в честь царя русского и русских. Еще радостнее были души сынов Армении».¹⁴⁸ «Не отделяя польз своих от польз России, — продолжает профессор, — с опасностью жизни Армяне изведали их о каждом движении неприятеля, служили им проводником и действовали с ними на поле».¹⁴⁹

Нам понятно также чувство русского автора, который с гордостью пишет, что «громы лучешные, по содействию духа Армян, подготовили падение стен Эривани. С жаром юноши переносили с русскими полками трудности походов, и в решительных и затруднительных случаях не щадили личности и рады были положить душу за искупление братьев своих из плена персидского».¹⁵⁰ Не секрет, что во всех войнах на Кавказе и за ее пределами, армяне принимали русских благожелательно, снабжая их всеми возможными средствами, продиктованными военным временем.

На активное участие армян в кавказских войнах указывают почти все русские историки и принимавшие в них участие генералы: «Когда генерал Тучков вступил в Ширак, тут же к нему присоединилась сотня конных армян. Нужно отдать справедливость, армяне всюду были верными нашими союзниками, разведчиками и помощниками», — пишет Ковалевский.¹⁵¹ Таково также утверждение в описании защиты крепости Шуши в Карабахе в 1826г.: «Татары Карабаха перешли на сторону турок, —

¹⁴⁶ Там же, с. 254.

¹⁴⁹ Там же, с. 256.

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ Ковалевский П., Завоевание Кавказа..., с. 98.

¹⁴⁶ Потто В.А., Кавказская война... т. I, с. III.

¹⁴⁷ Ковалевский П., Завоевание Кавказа..., с. 5.

но армяне вооружились и в числе 1500 человек присоединились к русским. Да и остальные армяне помогли, кто чем мог... А между прочим, в войсках Абасс-Мирзы участвовала рота из русских беглецов и польская рота – последняя насадала на русских с особым азартом. Жители-христиане с великой радостью и почетом встречали русские войска. Татары злобно посматривали». ¹⁵² Это выписка из Потто: «Везде, что подтвердилось потом, повторились те же сцены. Армяне всеми средствами помогали русским войскам». ¹⁵³ Причем, вместе с описанием военных действий, русские авторы везде подчеркивали верность армян русскому народу, видя в них истинных союзников.

Подробно описывая героическую защиту крепости Баязет в 1829 г., В. Потто приводит слова генерала Попова: «Армяне столько показали приверженности к нам в опасное время, что я долгом поставляю себе ходатайствовать за них... Они заслуживают доброго о них мнения». ¹⁵⁴

Ради справедливости надо заметить, что в вопросе представления участия армян в кавказских войнах, В. Потто не имел себе равных среди военных историков. Приведем только некоторые характерные выписки из его многотомника: армянин Ованес Асланян, несмотря на зверские мучения со стороны персов, доставляет в Эрмитаж письмо настоятеля Нерсеса Аштаракечи о необходимости помощи русским войскам. По приказу ген. Бенкендорфа, ему назначили пенсию в размере 100 руб. пожизненно. ¹⁵⁵ «В Баязете и Карсе более двух тысяч армян, – пишет Потто, – сражались в рядах русских солдат в Эр-

¹⁵² Там же, с. 243, 246.

¹⁵³ Потто В.А., Страна Арарата, с. 21.

¹⁵⁴ Потто В.А., Кавказская война..., с. 313.

¹⁵⁵ Там же, с. 268.

зеруме, Баберте и Гюмушхане, везде, где появились русские флаги, армяне разрывали свои вековые отношения с турками». ¹⁵⁶

Ниже приведенные записки мы нашли в журнале «Русский архив»: автором является знаменитый полковник, впоследствии наместник Кавказа Николай Николаевич Муравьев: «Эриванские жители никак не верили, что у нас мир с Персией. Вся Эриванская область нам предана и слухи сии подтвердились с разных сторон». ¹⁵⁷ «На рассвете неприятель (персы – А.Ж.) показался около селения Малого Караклиса в больших силах. Армяне изготовились к защите, а между тем, дали знать об опасности в Гюмри, где находились роты Тифлисского полка. Около полудня, когда уже жители села почти были истреблены, полк подошел к селу... Десять семейств Армянских защищались и удержались под предводительством армянина Саркиса, человек отважный, но простой. Он находился при мне почти все время похода 1827 г. и я доставил ему медаль...». ¹⁵⁸

Примечательны также записки Муравьева об армянских добровольческих отрядах: «Первая Армянская дружина, начальство которого была поручена офицеру Херсонского полка, прапорщику Сумбатову, присоединилась к нам в Джалалогли в числе 150 человек... Казалось, что новый дух поселился между всеми армянами, которые надеялись видеть восстановление своего царства. Умом их управлял архиепископ Нерсес, человек умный и приятный...». ¹⁵⁹

В «Русском архиве» были напечатаны довольно обширные записки декабриста А. Гангелова, в котором описаны многие примечательные эпизоды русско-пер-

¹⁵⁶ Там же.

¹⁵⁷ «Русский архив» 1886 г. № 5, с. 14.

¹⁵⁸ Там же, 1888 г. № 11, с. 417.

¹⁵⁹ Там же, 1889 г. № 3, с. 95.

сидской войны. В одной из них, например, автор описывает встречу с Урмийскими армянами: «Проходя мимо одной из Урмийских деревень, — пишет он, — мы были встречены толпой народа, во главе со священником. Они за день до этого проведали о нашем приходе. При вступлении в деревню стали звонить колокола... Во время переговоров в наш отряд явился армянин, молодой еще человек и, подехав к генералу, на французском предложил себя в качестве переводчика. Он знал еще арабский и персидский языки. Меня позвали в качестве посредника между генералом и армянином. Последний представился Хачатур бейем и рассказал мне, что армяне благосклонны к русским...».¹⁶⁰

Многие русские генералы, высоко оценивая всеобщую помощь армянского народа, вместе с тем сами делали многое для освобождения и защиты армянских деревень. В журнале «Русский архив» наше внимание привлекла публикация известного военного историка А. Зиссермана, посвященная фельдмаршалу А. Барятинскому, который на время сменил наместника М. Воронцова. Зная, что турки из Баязета готовят поход в сторону Эчмиадзина, великий князь «со слезами на глазах», обращаясь к своему адъютанту Мирскому (впоследствии один из знаменитых полководцев России — А.Ж.), сказал: «Я хочу просить у тебя большой жертвы, необходимо спасти Эчмиадзин, но распорядиться этим отсюда неудобно и даже опасно. Барятинский имеет к тебе большое доверие, поезжай в Александрополь, объясни ему наши мысли и желания. Князь Мирский немедленно поскакал и на другой день к вечеру был в Александрополе. Население было в большой тревоге.

Многие армянские селения были разграблены, некоторые вырезаны. Картина была ужасная!... Князь Алек-

сандр Иванович и слышать не хотел о посылке подкрепления для защиты Эчмиадзина. — Если вы присланы сюда главнокомандующим, чтобы меня заменить, то покажите предписание и я вас расстреляю. Князь Мирский не сказал ни слова... После долгого молчания, князь Александр Иванович подошел к Мирскому, пожал ему руку и сказал: Вы правы, нужно спасти Эчмиадзин. Надеюсь, что вы не обиделись. Обидчивость нет места, — отвечал князь Мирский...».¹⁶¹ Автор утверждает, что в результате этого вмешательства, турки отступили, узнав о движении русских. В статье можно найти и другие характерные эпизоды этой войны: «Курды бросились в армянские деревни и начали грабеж, — пишет Зиссерман. — Жалостные крики женщин и детей вынудили казаков идти на помощь, но их мгновенно окружили две тысячи турок. Казаки даже не успели дать знать отряду. Произошло жестокое побоище. Наши молодцы кубанцы героически защищались...».¹⁶²

С самого начала военных действий русским армиям большую и всеобщую помощь оказали *Карабахские армяне*, особенно при освобождении своей родины — Карабаха. Так, в 1806г. в боях за свой край отличился конный отряд Мелика Джумшуда Шахназарова. До окончания войны он оставался в отряде генерал-майора Небольсина и принимал участие во многих победоносных сражениях русской армии. Высоко оценивая его военный талант и заслуги, фельдмаршал Гудович направил рапорт в штаб армии для присвоения ему чина подполковника. В этих же боях за отличие и проявленный героизм другой карабахец Сурхан Григорьев был награжден серебряной медалью.

Многие карабахцы служили разведчиками и связистами. Прекрасно зная местность, где проходили военные

¹⁶⁰ Там же, с. 242.

¹⁶¹ Там же, 1888 г. № 8, с. 467-468.

¹⁶² Там же.

действия, и хорошо владея турецким и персидским языками, они с успехом собирали сведения о местоположении, численности и намерениях противника и сообщали их русскому командованию. Посредством армянских курьеров устанавливалась связь между осажденными и русским командованием. Были случаи, когда благодаря армянским проводникам, русские войска оказывались в тылу противника и проводили внезапную атаку.

Подобными подвигами отличились в первой персидской войне 1804–1813 гг. братья Вани и Яков Атабеков, которым, кстати, посвящена отдельная книга В. Потто «Первые добровольцы Карабага». Эти строки из удостоверения Вани Атабекова, выданном полковником Асеевым: «Юзбаше Аванесу: выдать удостоверение о том, что он все поручения полковника Корягина и майора Лисаневича исполнял, как следует верноподданному, с отличным усердием и ревностью».¹⁶³

Карабахцы особенно отличились во второй русско-персидской войне 1826–1828 гг. По инициативе самих карабахцев организовывались армянские добровольческие отряды, которые вместе с русскими войсками вели тяжелые бои против персов. Блестящим примером взаимодействия армянских и русских войск служит героическая защита крепости Шуши в 1826 г. Первыми на помощь русским войскам поспешили 1500 ополченцев 22-х окрестных армянских сел, которые бок о бок с русскими героически защищали крепость. Не сумев занять ее, персидский принц Абасс-Мирза предпринял коварный и бесчеловечный шаг. Он приказал привести под крепостные стены несколько сот армянских семей и под угрозой истребления уговаривал армян сдать крепость. Но армяне смело отвечали, что они не изменят русским, и пусть

¹⁶³ Потто В.А., Первые добровольцы Карабага в эпоху водворения русского владычества, Тифлис, 1902, с. 8.

лучше погибнут несколько сот человек, чем весь народ попадет под гнет персов.¹⁶⁴

С другой стороны, было очевидно, что длительная и удачная защита стала возможной только благодаря материальной и военной помощи находящихся в крепости армян. Особенно отличились братья Сафар и Ростом Тархановы, Мелик-Шахназаров, Зохран Тарумов и другие. Об этих тяжелых днях вспоминает также шушинский армянин, покоритель Каресской крепости 1877 г., генерал-адъютант Иван Давыдович Лазарев: «Помню, как сельчане, сбегавшиеся в крепость, отдали весь свой скот на продовольствие гарнизона..., помню так же, как наши армяне по ночам на своих плечах носили тяжелые мешки с зерном на мельницы, где братья Тархановы быстро перемалывали зерно и доставляли его».¹⁶⁵ Связь между осажденными и кавказским корпусом обеспечивал армянин, курьер Арутюн Алтунян. Не раз рискуя жизнью, он доставлял письма главнокомандующему А.П. Ермолову.

Впоследствии, за проявленный героизм он был награжден Георгиевским крестом и золотой медалью. Начальник гарнизона крепости полковник Реут не раз в своих рапортах отмечал: «Относительно армян, защищавших крепость, долгом себе поставлю объяснить, что служба их достойна внимания, ибо все они действовали с отличной храбростью, выдерживали многократные приступы, отражали неприятеля, с важным уроном презирали недостаток продовольствия и никогда не помышляли о сдаче крепости, хоть бы наступил совершенный голод».¹⁶⁶

Хочется также привести послание самого командарма А.П. Ермолова. «У всех изменивших нам мусульман-

¹⁶⁴ Там же, с. 53.

¹⁶⁵ Там же, с. 64.

¹⁶⁶ Там же, с. 62.

ских беков отобрать имеющиеся армянские деревни, а жителям армянских объявить, что они навсегда поступают в казенное управление за непоколебимую верность Императору».¹⁶⁷ Бок о бок с русскими воевали и армянские женщины Карабаха. Об одной из них упоминается в книге В. Потто: «... героями были даже женщины и одну из них – Хатуи знал весь Карабах».¹⁶⁸

Русские авторы с большой похвалой писали о хорошем владении армянами военным искусством и об их бойцовском духе, что их воины не раз отличались храбростью, крепким телосложением и способностями. В русских изданиях и в печати публиковались множество статей, посвященных армянским военным деятелям. Как правило, в них высоко оценивался военный талант и заслуги армянских полководцев.

В этой связи особо отличаются те публикации, которые посвящены великому полководцу армянской национальности *Михаилу Тариеловичу Лорис-Меликову*. «Граф отличался терпимостью к чужим мнениям, не был

¹⁶⁷ Там же, с. 50.

¹⁶⁸ Там же.

Лорис-Меликов Михаил Тариелович (1826-1888) В 1843 г. окончил гвардейскую школу прапорщиков и состоял при главкоме Кавказского корпуса кн. М. И. Воронцова, участвовал в нескольких сражениях получил золотую саблю «За храбрость». В 1856г. произведен в чин майора и назначен начальником Южного Дагестана, в 1863г. – начальник Терской области, в 1865г. пожалован в чин генерал-адъютанта и назначен наказным атаманом Терского казачьего войска. В 1875г. произведен в генералы от кавалерии. В русско-турецкой войне 1877–1878гг. командовал действующим корпусом. В конце апреля 1876г. взял штурмом Ардаган, за что получил орден Георгия II-ой степени. За штурм Карса – Владимира I-ой степени с мечом. В 1878г. Лорис-Меликов возведен в графское достоинство. В 1879г. назначен Астраханским, вскоре Харьковским генгубернатором. В 1880г. назначен начальником верховной распорядительной комиссии с чрезвычайными полномочиями, в августе того же года министром внутренних дел. В мае 1881г. оставил пост министра.

мелочно обидчив и всегда спокойно и внимательно выслушивал возражения... Он оставался на редкость устойчивым в своих основных убеждениях и его нельзя было сбить с них. Терпимость служила лучшим признаком той ширины ума, которая и делала из него истинного государственного человека», – пишет известный деятель К. Белоголовый. Кстати, в учебнике истории России есть одна отдельная графа, которая так и озаглавлена: «Диктатура Лорис-Меликова». Можно с уверенностью сказать, что Лорис-Меликов был одним из первых инициаторов либеральных реформ в России: «По своим политическим убеждениям – пишет К. Белоголовый, – это был умеренный постепеновец, который не мечтал ни о каких коренных переворотах в государственном строе, но непоколебимо веруя в прогресс человечества и в необходимости для России примкнуть к его благам, крепко стоял на том, что правительству необходимо самому поощрять постепенное развитие общества...».¹⁶⁹

Далее, восхваляя его заслуги перед Россией, автор в конце своей статьи пишет: «В нем, помимо разностороннего и приятного ума, высоко ценилась его человечность, его горячая вера в прогресс, его простота и честность в отношениях. Несмотря на его типичную армянскую внешность, во внутреннем его складе не было ничего инородческого; говорил он превосходным русским языком с печатью литературной обработки. За русской литературой он следил с большой любовью. *Хотя он и горячо любил свою кавказскую родину, но графа смело можно было назвать русским патриотом в лучшем значении слова... Россия в лице его имела одного из даровитейших, бескорыстных своих сынов и можно лишь искренне и, не в оскорбление живущим, пожелать ей побольше таких!*».¹⁷⁰

¹⁶⁹ Братская помощь... с. 275.

¹⁷⁰ Там же, с. 280.

Лорис-Меликову посвящена также редакционная статья журнала «Русская старина» 1888 года: «Газеты полны воспоминаний о знаменитом государственном и военном деятеле. За немногими исключениями, эти воспоминания исполнены глубокого сочувствия к личному характеру, уму, воинским доблестям и заслугам графа Михаила Гариеловича, в этом случае служат действительным выражением чувств и мнений русского общества, в благодарной памяти которого навсегда сохранится образ графа Лорис-Меликова, имя и дела его — достояние истории нашего отечества».¹⁷¹

Несмотря на то, что статья была посвящена памяти Лорис-Меликова, в ней подробно анализируется его политическая деятельность 1880–1881 гг., «когда по воле государя Александра II, Лорис-Меликову была дана необычайная и вполне достойная власть».¹⁷² В статье дана очень примечательная характеристика: «В 1878 г. подписан Берлинский трактат. Этим обидным для нашего национального самолюбия актом закончилась кровавая драма. Много бескорыстных жертв принесло наше отечество, много подвигов неслыханного героизма совершила наша армия...

Болью должен был отзываться в сердце каждого русского Берлинский трактат, столь мало соответствовавший своим конечным результатом подъему народного духа и напряжению всех его физических, умственных и нравственных сил. Результатом его явилось всеобщее недовольство, частью направленное на правительство... Вот тогда-то и общее мнение в правительственных сферах и в народе указало на графа Лорис-Меликова, как на лицо, наиболее соответствовавшее обстоятельствам. Ради справедливости следует заявить, что он не обманул общих ожиданий».¹⁷³

¹⁷¹ «Русская старина» 1888, т. 61, с. 53.

¹⁷² Там же.

¹⁷³ Там же, с. 54, 58.

В русской печати очень много статей, посвященных М.Т. Лорис-Меликову и освещающих его государственную деятельность. Так, в журнале «Русская старина» за 1884 г. есть одна маленькая заметка «Князь М.С. Воронцов и Н.Н. Муравьев о Лорисе-Меликове»: «Тифлис, 18 фев. 1852 г. Я пишу тебе, чтобы сказать, любимый Лорис-Меликов, что я был очень обрадован известием о прекрасном твоём кавалерийском деле, в котором ты так храбро с молодцами казаками атаковал кавалерию горцев под командованием сына Шамиля... Здесь в Тифлисе все о тебе говорят и тебя хвалят...».¹⁷⁴

В статье известного кавказоведа А. Берже представлены десять писем Н. Муравьева к В. Бебутову. В одной из них Муравьев просит совета от бывшего командира кавказского корпуса, где есть отрывки, посвященные Лорис-Меликову. Как известно, после взятия крепости Карс в 1855 г. Лорис-Меликов, тогда еще в чине полковника, был назначен начальником Карсского пашалыка (области): «Я не могу довольно нахвалиться трудолюбием и пользой, которую постоянно приносит здесь вами же избранный Лорис-Меликов — человек, этот незаменимый».¹⁷⁵

Письмо свидетельствует о том, что в подъеме карьеры Лорис-Меликова немаловажную роль сыграл Васил Бебутов, другой армянский полководец, к деятельности которого мы обратимся немного позже. И на вопрос, что же послужило поводом для выражения такой похвальной

¹⁷⁴ Воронцов Михаил Семенович (1782–1856) князь, генерал-фельдмаршал. Сын знаменитого посла России в Англии С. Воронцова. В 1823 г. назначен генерал-губернатором Новоросийска, в 1844 г. — наместник Кавказа и кавказского корпуса. В начале Крымской войны, в марте 1853 г. в связи с болезнью, оставил службу. Умер в Одессе в 1856 г.

¹⁷⁴ Там же, 1884, № 9, с. 59.

¹⁷⁵ Там же, 1873, № 10, с. 625.

оценки, думаем, что это станет ясно из отрывки, помещенного в журнале «Военный сборник». Автор статьи известный ученый Николай Дубровин: «Неудавшийся штурм не изменил относительного положения двух противников. Хотя в нашем лагере и считали кампания оконченной, но генерал Муравьев думал иначе и сделал распоряжение об усилении блокады. Призвав к себе полковника Лорис-Меликова, главнокомандующий спросил его: Есть ли возможность иметь топливо и фураж на два месяца? и получил утвердительный ответ.

Прибыл генерал Бриммер.

– В котором часу завтра прикажете выступить войскам? – спросил он таким тоном, как будто после отбитого штурма не могло быть и речи о продолжении осады.

– Прикажете, Эдуард Владимирович, – отвечал хладнокровно Муравьев, – усилить все посты, блокирующие крепость.

– Кто же будет кормить нас? – спросил Бриммер.

Муравьев указал на Лорис-Меликова...».¹⁷⁶

Из сказанного ясно следует, что во взятии крепости небезучастен армянский полководец и что это обстоятельство в дальнейшем сыграло решающую роль в назначении его начальником Карсской области. Насколько эффективным было его начальство в Карсе, об этом свидетельствуют два документа, опубликованные в журнале «Отечественные записки». Один из них – Грамота Карсского меджлиса, другой – Свидетельство командира турецкой азиатской армии Исмаила паши: «Областной меджлис и почетные жители города Карса, находясь у мушира Исмаила-паши в доме, отведенном для него, выразили единодушную благодарность бывшему начальнику Карсской области, гвардии полковнику Лорис-Меликову за попечение его, о благосостоянии области и про-

¹⁷⁶ «Военный сборник», 1877, т. 114, с. 170.

силы разрешения мушира поднести Лорис-Меликову благодарственный адрес. Вполне разделяя это желание, мушир от имени своего правительства, дружески поблагодарил полковника Лорис-Меликова за попечение области».¹⁷⁷

Мы довольствовались лишь несколькими отрывками из этих воспоминаний. В действительности же в них содержатся богатые и ценные материалы о полководческой и государственной деятельности Лорис-Меликова. В журнале «Исторический вестник» помещена статья Е. Андреевского «От Эрзерума до Тифлиса», в которой автор, подробно описывая взятие города Эрзерума, особенно высоко оценил полководческий талант Лорис-Меликова. В статье особо подчеркивается его человеческие качества: «Заботливость наложила печать на его характерное лицо, – пишет Андреевский, – в то же время доблестная улыбка почти не сходила ни на минуту с него, а в выразительных глазах была необычайная энергия. Простота обращения бросалась в глаза каждому и каждого подкупала».¹⁷⁸

В воспоминаниях одного из высокопоставленных офицеров русской армии также дана четкая характеристика военачальника Лорис-Меликова: «Благодаря военному таланту Лориса-Меликова, в первые дни войны с турками были спасены жизни тысяч русских солдат».¹⁷⁹ «Я помню первый приезд корпусного командира в Ахалцах, – говорится в статье журнала «Военный сборник» за 1880г. – Сильная, простая, чисто солдатская речь, сказанная им войскам, как прекрасный образчик военного красноречия, сразу установила в солдатах и офицерах непоколебимое доверие к своему будущему

¹⁷⁷ «Отечественные записки», 1856, т. 108, с. 62.

¹⁷⁸ «Исторический вестник», 1880, № 2, с. 181.

¹⁷⁹ «Военный сборник», 1880, т. 131, с. 472-474.

вождю и вместе с тем оставила в сердцах всех тайную надежду на близкие боевые приключения».¹⁸⁰

Русскому читателю, который более или менее знаком с историей своего отечества, думаем, должно быть известно имя легендарного армянского полководца русской армии, генерал-лейтенанта *Валериана Мадатова*. Мадатов родился в Карабахе в 1782г. в известной деревне Аветараноц (Чанахчи). Мадатов впервые появился в столице России в период царствования императора Павла I. В Петербург он приехал со своим соотечественником Меликом Джемшудом. Крепкого юношу заметили сразу, и он перешел на службу в гвардейский полк. Но скоро он был вынужден оставить службу: Мелик должен был вернуться в родной край и вместе с ним Валериан, который не имел средств, чтобы остаться в столице.

Может быть, он так и остался бы забытым в своем Карабахе, если бы судьба не перевернула его жизнь. Во время смотра гвардейцев, император Павел как-то вспомнил о молодом и храбром горце, которого видел один раз на разводе. Узнав, что тот вернулся в Карабах, император приказал привести его назад с фельдгегерем.

В 1799г. горец явился в Петербург и был определен прапорщиком в лейбгвардии Преображенского полка, потом переведен в гренадерский Павловский полк подпоручиком. Так Мадатов, которому судьба отвела блестящее место в немногочисленной плеяде русских кавалерийских полководцев, начал свою службу в пехоте в Менгфельском полку. В 1806г. началась турецкая компания, а в 1808г. он уже получил свое первое боевое крещение. «Блестящая жизнь князя Мадатова, знаменитого не одною только деятельностью в Кавказской войне, — пишет В. Потто, — в славе которой ему принадлежит не малая часть, а и вообще в летописях всей русской кавалерии, весьма любопытна и поучительна. В ней только и можно найти объяснение необыкновенного нравственно-го обаяния этого на всех, кто имел честь становиться под его знамена и делить с ним боевые труды и заботы».¹⁸¹

¹⁸⁰ Там же, с. 424.

Своим ростом по лестнице боевой славы Мадатов обязан только себе. Протекция никогда не играла в его жизни важной роли по той простой причине, что ее у Мадатова просто не было. Храбрость ему была дана с детства, а всех своих наград и почестей он удаивался благодаря острому своей сабли и собственной крови. Обратимся снова к Потто: «Только тот, кто видел князя Мадатова в пылу сражения, под градом пуль и картечи, может судить, до какой степени храбрость была увлекательна и как одно появление перед войсками таких вождей, как Мадатов, служит вернейшим залогом победы».¹⁸²

В 1808 г., командуя ротой, Мадатов за два года успел получить ордена святой Анны и Владимира с бантами, Анны на шею, золотую шпагу за храбрость и чин капитана. Но уроженца Карабаха, страны отважных наездников, пехота мало интересовала. Мадатов рвался в кавалерию. В 1810г. наконец, ему удалось осуществить свою заветную мечту — Мадатов был переведен ротмистром в Александрийский гусарский полк. В том же году Мадатов получил чин майора, а за проявленную храбрость в битве при Татарнице тут же получил эскадрон.

Первым сражением в войне с турками была знаменитая битва при местечке Шумле. На глазах своих товарищей Мадатов смело вторгся своим эскадром в пехотную колонну турок и возвратился назад с турецкой пушкой. Это уже было право на получение креста св. Георгия, который Мадатов мечтал получить. Случай этот вскоре представился под Батином.

Вспомогательная литература: *Потто В.А., Кавказская война...*, т. III, с. 257-258.

¹⁸¹ *Потто В.А., Кавказская война...*, т. III, с. 257-258.

¹⁸² Там же, с. 260.

Александрийский полк стоял на левом фланге. «Офицеры собрались около своего командира Ланского и слушали его рассказ про одного майора, получившего награду Георгия 3-ей степени, – рассказывает В. Потто. – Мадатов в это время обратился к Ланскому с вопросом: что ему сделать, чтобы получить Георгиевский крест. Ланский шутя указал на четырехтысячную колонну турецкой кавалерии и сказал: «Разбей их!». Мадатов крикнул двум своим эскадронам – «за мной» и бросился на неприятеля. Офицеры и солдаты не успели прийти в себя, как два эскадрона русских гусар столкнулись со всей массой турецкой кавалерии. Турки дрогнули: так стремительна была атака Мадатова, что все поле покрылось трупами турок. На следующее утро курьер из главной квартиры привез след Мадатову: там был Георгиевский крест».¹⁸³

За эту битву Мадатов также получил чин подполковника. Вот так, любезный русский читатель, эта история, которую кстати описывает русский военный историк В. Потто, полагаем, что должна дать повод к размышлению как о приверженности армян своему долгу, так и о героизме и храбрости армянского народа. Думаем также, что смысл этой истории пока еще не закончился...

Отечественная война 1812г. застала Мадатова уже в звании командира Александрийского гусарского полка. С этим полком он участвовал в сражениях под Кобрином и Березиной. За проявленную в боях храбрость и отвагу, Мадатов вскоре был произведен в чин полковника и получил алмазные знаки ордена св. Анны II-ой степени. Рассказывают, что любимой поговоркой Мадатова тогда была – «Бережу полк как невесту, но когда придет час, я не пожалю ни меня, ни людей, ни лошадей».

И час этот пробил. Дело было под Борисово: «Русский авангард, разбитый и отброшенный, должен был

¹⁸³ Там же, с. 260-261.

АРМЯНСКИЕ ПОЛКОВОДЦЫ РУССКОЙ АРМИИ

*Мадатов В.Г.
генерал-лейтенант*

*Бebutov В.О.
генерал от инфантерии*

*Лорис-Меликов М.Т.
генерал-адъютант*

*Лазарев И.Д.
генерал-адъютант*

АРМЯНСКИЕ ПОЛКОВОДЦЫ РУССКОЙ АРМИИ

*Аргутинский-Долгорукий М.З.
генерал-адъютант*

*Тер-Гукасов А.А.
генерал-лейтенант*

*Шелковников Б.М.
генерал-лейтенант*

*Ахазов Я.К.
генерал-лейтенант*

отступать через Березину по узкому мосту. Положение было критическое. Мадатов выдвинулся вперед четырьмя эскадронами александрийских гусар, и, проскакав по их фронту, сказал: «Гусары! Смотрите, я скачу на неприятеля. Неужели вы в один день захотите погубить всех своих начальников? И не ожидая ответа, он круто повернул коня и помчался на неприятеля. Гусары, конечно, не отстали от него. Дорого стоил александрийцам этот кровавый бой, но они восстановили честь русского оружия, спасли артиллерию и дали возможность отступить без больших потерь. Подвиг Мадатова был оценен историей», — пишет В. Потто.¹⁸⁴ Бориссовский подвиг «подарил» Мадатову золотую саблю, украшенную бриллиантами.

Армянский полководец в дальнейшем участвовал и в других боях Отечественной войны 1812г., каждый раз прибавляя новую страницу к своей славной биографии. Командование в свою очередь не было скудным в представлении его к очередным наградам. Вскоре Мадатов получил орден св. Георгия III-ей степени. Между тем, он был одним из весьма немногих офицеров в русской армии, имевший чин полковника, бриллиантовую саблю и Георгия на шее.

В «битве народов» под Лейпцигом сильное кровотоечение настолько ухудшило его здоровье, что надолго приковала Мадатова к постели. Тогда же его представили к новой награде. На этот раз от государя-императора Мадатову был пожалован чин генерал-майора и орден св. Владимира III-ей степени. Вскоре пришел орден и от прусского короля. И все же Мадатову довелось побывать в побежденном Париже, где он и был осведомлен о новом назначении. По распоряжению легендарного полководца отечественной и кавказской войны А.П. Ермолова,

¹⁸⁴ Там же.

Мадатов назначается на службу в свой родной край – Карабах, в должности правителя трех ханств: Ширванского, Шекинского и Карабахского.

Мадатов был блистательным стратегом не только в военных делах. С той же решимостью он решал и гражданские вопросы. В этом деле Мадатову помогло как отличное знание родного края, так и знание языков и обычаев местных народов. Рассказывают, что во время правления Мадатова в ханствах царили спокойствие и мир: «В Карабахе даже женщины могли безопасно ходить с золотой чашей на голове».¹⁸⁵

Так началась дружба и военное сотрудничество двух героев Отечественной войны. Мадатов вместе с Ермоловым участвовал в войне с горцами и командовал целым отрядом. Он и здесь отличился своими подвигами, хотя, если быть справедливым, правитель Кавказа в свою очередь не жалел наград для достойной оценки его подвиги. Мадатов получил ленту св. Анны и награду св. Владимира II степени. Неслыханная вещь: в битве при Хушине, в Дагестане, Мадатов одержал блестящую победу не дав ни одной человеческой потери: «Нет ни одного русского, ни убитого, ни раненного», – с гордостью доложил Ермолов императору.¹⁸⁶

Служба на Кавказе продолжалась, когда пришла пора звездного часа полководческого таланта Мадатова. Началась русско-персидская война 1826г. В этой войне были написаны славные страницы военной биографии Мадатова. Он лечился в Пятигорске, когда курьер принес ему весть о начале войны. Забыв о своей болезни, он поспешно сел в первый же экипаж и через три дня уже был в Тифлисе. Ермолов тут же предложил ему командование передовым отрядом.

Первой блестящей победой Мадатова в этой войне была знаменитая Шамхорская битва 3 сентября 1826 г. Перед ним стояла пятикратно превосходящая персидская армия. Персы были воодушевлены прежними победами и считали себя непобедимыми. Мадатов отчетливо понимал, что сейчас от него зависит спасение края и честь русского оружия. Вместе с тем, он прекрасно сознавал, что должен собрать в кулак все свои навыки, чтобы не дрогнуло его славное прошлое. И он не сошел с пьедестала, оставаясь также первым бойцом своего отряда. Всем известен исход этого боя.

Персы впервые потеряли крупное поражение и отступили. Русский историк Ковалевский, который в своей книге высоко оценил полководческий талант Мадатова, рассказывает об очень интересном эпизоде этого сражения: «Впереди колонны, верхом на золотистом карабахском жеребце, сыпавшим градом персидских пуль, ехал Мадатов с небольшой свитой. Напрасно уговаривали его отехать в сторону. – Вас видят, в вас метят, – кричали ему из рядов офицеры. – Тем лучше, что меня видят, скорее убегут», – отвечал Мадатов.¹⁸⁷

Велика была заслуга Мадатова также в Елизаветпольском сражении 13 сентября 1826г. Вследствии сложившихся обстоятельств на Кавказе, Мадатов вынужден был уступить командование вновь прибывшему генералу И. Паскевичу. Последний не терпел Ермоловских соратников и ему уже были известны дружеские отношения Ермолова и Мадатова. Но даже Паскевич не мог не считаться с мнением и именем Мадатова, который имел огромный боевой опыт и большую популярность среди воинов: «Князь Мадатов на прекрасном карабахском коне, объезжал войска под страшным огнем неприятеля и

¹⁸⁵ Там же.

¹⁸⁶ Военная энциклопедия, СПб, 1911, т. XV, с. 103.

¹⁸⁷ Ковалевский П., Завоевание Кавказа..., с. 246.

говорил солдатам: – Ребята, помните мое наставление: держитесь час, и победа будет за вами. Солдаты рванулись вперед, но Мадатов удерживал их порыв. Стой, – крикнул он: – Подпускайте персов ближе, потом труднее будет им уходить».¹⁸⁸

Таков был Мадатов: всегда впереди и на самых опасных участках сражения. По привычке перед боем Мадатов часто любил шутить со своими солдатами: «Ребята, до меня дошло, что вас хорошо не кормят, правда это? – Так точно, Ваше благородие, – отвечали ему солдаты. Так вот что, ребята. Я поведу вас на персов, мы побьем их, тогда у вас будет все. – С вами хоть на смерть, – дружно крикнули ему солдаты».¹⁸⁹ Говорят, что его приход так воодушевил солдат, что многие пришли в лагерь, чтобы собственными глазами убедиться в правоте слухов. Каждый солдат, который становился под его флаг, считал своим долгом быть храбрым и ни капли не сомневаться в победе. Все это им внушал командир. Он был воспет во многих песнях.

В одной из них говорилось:

*Генерал храбрый Мадатов
Нас к победам поведет,
Он военные схватки
Персов знает напролет.
Под командой им не страшно
Хоть врагов и больше нас...¹⁹⁰*

Рассказывают, что когда бой победоносно завершился, Мадатов приблизился к генералу Клюки фон-Клюгенау и, увидев пленных, знамена и орудия, сказал: «Ты, братец, счастливее нас и воротись не с пустыми рука-

*Вельяминов А.А.
генерал-лейтенант*

*Давидов Д.Д.
генерал-лейтенант*

*Бенкендорф К.К.
генерал-лейтенант*

*Капитан Федор Штоквич
герой Баязета 1877 г.*

¹⁸⁸ *Потто В.А.*, Кавказская война..., т. III, с. 165.

¹⁸⁹ Там же.

¹⁹⁰ Там же, с. 133.

*Торосов А.П.
генерал от инфантерии*

*Котляревский А.С.
генерал от инфантерии*

*Дибич И.И.
генерал-фельдмаршал*

*Красовский А.И.
генерал-адъютант*

ми. Эти проклятые бежали так быстро, что нам ничем не удалось поживиться».¹⁹¹ «Верность взгляда никогда ему не изменяла, – писал Хомяков, – ясность его ума часто удивляла даже тех, с которыми он уже был знаком... В силовых решениях он был необыкновенно быстр в исполнении своих намерений... Солдаты его любили и в него верили: – Мы знаем, – говорили они, – что с ним ни один человек даром не пропадет».¹⁹²

Многие участники Елизаветпольского сражения потом приняли «обязательства» перед армянским полководцем, потому что отбивая натиск персов в центре, Мадатов, фактически, решал исход сражения. Даже Паскевич не смог скрыть свой восторг и, обняв Мадатова, поблагодарил его. Несомненно, что за эту победу Паскевич, в первую очередь, был в долгу перед Ермоловскими генералами Мадатовым и Вельяминовым. Рассказывают, что когда Паскевич вначале увидел персидские войска, отпрянул и даже готовился дать знак к отступлению. И только благодаря настояниям Мадатова и Вельяминова он принял бой. И все же лавры победы достались Паскевичу, и это открыло дорогу главнокомандующему Кавказского корпуса. Словом, после Елизаветпольской победы Мадатов получил чин генерал-лейтенанта и бриллиантовую саблю с надписью «За храбрость». Это была уже его вторая драгоценная сабля; первую он получил еще в чине полковника за Отечественную войну.

Последним подвигом Мадатова была победа вблизи армянской матери-реки Аракс, которой была обеспечена безопасность южных российских границ. Здесь внезапно ему доложили о приезде из главного штаба курьера с депешами. Это был приказ Паскевича сдать отряд генералу Панкратьеву...

¹⁹¹ Там же, с. 170.

¹⁹² Военная энциклопедия, СПб, 1911, т. XV, с. 104.

Прощание князя с отрядом было трогательным, велика была привязанность к нему солдат и офицеров. Не останавливаясь даже в своем имени, он по пути в последний раз взглянул на родные места и направился в Тифлис. Приказ не был непонятен для Мадатова. Паскевич уже не мог мириться с растущей день за днем популярностью армянского полководца, видя в нем достойного соперника на пути его военной славы.

Фактически устранение Ермолова стало судьбоносным также и для его военных соратников. Подобно другим, Мадатов тоже сошел с кавказской арены военных действий, до глубины сердца обиженный и возмущенный. «В тягостном и непривычном бездействии пробыл Мадатов в Тифлисе целых пять месяцев, — пишет В. Потто. — Наконец, через начальника штаба Кавказского корпуса Дибича ему удалось добиться позволения приехать в Петербург. В то время шли уже приготовления к турецкой войне, и Мадатов был прикомандирован к 3-му пехотному корпусу. Там, на Дунае, с небольшим отрядом он овладел двумя турецкими крепостями».¹⁹³

Так, судьба вновь привела Мадатова к Александрийским гусарам, и он был назначен командиром 3-го гусарского полка. Радостнее всех, конечно, был он сам: «Ну, слава Богу, — шутил он с гусарами. — Мы опять увидим турок. Только вы, братцы, их всех не рубите, за пленных дают по червонцу — сгодится...».¹⁹⁴ Первый бой, в котором приняли участие гусары Мадатова, было сражение под Кулевичем. Эта победа открыла дорогу русским на Балканы.

Следующая битва была при крепости Шумлы, где вновь прославились имя и полководческий талант Мадатова. Главком Дибич был в восторге: «Мадатов, — доло-

жил он государю, — отбросил вышедших из Шумлы 1500–2000 турецких всадников на их передовые позиции, гусары вели себя тут самым блистательным образом, особенно Александрийские, предводимые Мадатовым. Его гусары, бросившись на редуты, спешились и, действуя саблями, взяли первый из них. 12 знамен и 5 орудий были трофеями этого славного дела».¹⁹⁵ Эта часть рапорта особенно заинтересовала Императора: «...что за молодцы эти прекрасные войска и как я сожалелю, что более не с ними! Что за Александрийские гусары! Вот подвиги, которые должны быть отмечены в истории нашей армии!».¹⁹⁶

По представлению Дибича, Мадатов на этот раз был награжден высокой наградой — орденом св. Александра Невского. настолько впечатляющим был его победный марш, что князь М.С. Воронцов, не скрывая своего изумления, в письме Мадатову из Варны писал: «Ура! Любезный князь, я знал, что герой Дагестана будет героем и в Балканских горах».¹⁹⁷ 14 знамен и 98 орудий были трофеями Мадатова в этой кампании. Но эта награда была последней. И несмотря на то, что «благодаря Паскевичу» его имя все реже упоминалось в военных рапортах, от этого его популярность среди солдат и офицеров не ослабла.

В одном из номеров журнала «Русская старина» за 1873г. есть интересная статья о Мадатове, автором которой была его жена, княгиня Мадатова (Саблукова). «Имена и дела Ермолова и Мадатова принадлежат истории. И я, дорожа его памятью и зная близко все то, что происходило на Кавказе в эпоху Паскевича, — пишет она, — считаю своей обязанностью, в меру сил, высказать истину, присоединив к этому некоторые из хранящихся у меня собственноручных писем Ермолова князю Мадатову».¹⁹⁸

¹⁹⁵ Там же, с. 269.

¹⁹⁶ Там же, с. 286–269.

¹⁹⁷ Там же, с. 269.

¹⁹⁸ «Русская старина», 1873, № 1, с. 85.

¹⁹³ Потто В.А., Кавказская война..., с. 265.

¹⁹⁴ Там же, с. 266.

Подробно представляя весь боевой путь своего мужа, княгиня завершила статью следующими словами: «Я убеждена, что справедливый суд истории выставит деятельность князя Мадатова не в том виде, в каком представил его Паскевич в своих донесениях, а как понимали действия Мадатова многие честные его сослуживцы».¹⁹⁹ В приложениях к статье размещены несколько писем А. Ермолова, где также достойно отмечается служба Мадатова на Кавказе: «Не могу, государь, – говорится в одном из них, – не отметить отличную службу Мадатова Родине, каждое действие которого служит как доказательство верности и храбрости».²⁰⁰

В 1837г. именно по инициативе Мадатовой была выпущена книга «Биография князя Мадатова» под редакцией А. Хомякова, И. Бакунина и М. Коцебу. Все они были сослуживцами В. Мадатова: первые двое были его адъютантами, а третий воевал с ним в Дагестане. Книга так заинтересовала читателей, что была переиздана вторично в 1863г. Во введении книги авторы пишут: «Справедливость может быть достигнута только сравнением того, что совершил князь, с тем, чего не сделали или что испортили другие... Делались огромные ошибки; князь исправил их, и в то время, когда им уже были собраны лавры, появились расприжения, мешавшие его доблести».²⁰¹ Сказано очень метко и что более важно – справедливо.

И последнее: в русской военной энциклопедии раздел, посвященный В. Мадатову, оканчивается следующими словами: «Мадатов был генералом той Суворовской школы, которая дала русской армии Багратиона, Милорадовича, Ермолова, Дениса Давыдова и Котляревского».²⁰²

¹⁹⁹ Там же, с. 94.

²⁰⁰ Там же, с. 95.

²⁰¹ «Жизнь и деятельность князя Мадатова». СПб, 1863, с. 6.

²⁰² Военная энциклопедия, с. 104.

Армянский генерал умер на Балканах, в той же Шумле, 4 сентября 1829г., через два дня после подписания мирного договора, когда он должен был вкушать радость победы, ради которой не щадил ничего: «Угасла жизнь полная сил, энергии и честных намерений, когда Мадатову не было еще и 49 лет, – пишет Потто, – Весть о его кончине глубоко опечалила армию. Дибич почтил память его слезою и сказал знаменательные слова: «*В лице Мадатова наша конница лишилась русского Мюрата! И это была не фраза... Мадатов обладал исключительной храбростью, которая не бледнела ни перед какой опасностью, ледяным хладнокровием, которое не сгибалось перед любой неожиданностью и что всего реже, – тем нравственным мужеством, которое не страшится никакой ответственности. Смелый в решениях, он был необыкновенно быстр в исполнении и эта быстрота служила верною порукою успеха*».²⁰³

Мадатова с большими почестями похоронили в Шумле. Столь сильна была его слава, что даже турки сожалели о его кончине. Великий визирь в знак уважения к памяти Мадатова открыл для него ворота неприступной Шумлы и принял в ее стенах прах смелого воина. Впоследствии, после окончания войны, тело Мадатова княгиней Саблуковой было перевезено в Петербург и прах его ныне покоем в Александро-Невской лавре. Памятник Мадатову отличается своей простотой и изяществом, на нем нет ни резьбы, ни вычурных украшений и только наверху сияет золотой крест, а на фоне темного мрамора изображен лавровый венок и меч, во имя которых жил и воевал армянский полководец.

Другим, не менее славным армянским полководцем был **Василий Осипович Бегутов**. Родился он в Тифлисе в 1791г., в известной всему Кавказу семье Бегутовых.

²⁰³ Потто В.А., Кавказская война..., с. 270-271.

Несмотря на то, что Василий был самым младшим среди братьев, вместе с тем, он был самым сообразительным. В 1809г. после окончания Петербургского кадетского корпуса получив чин прапорщика, В. Бебутов был командирован в Херсонский гренадерский полк.

С учителями Бебутову повезло. Вначале он был адъютантом легендарного генерала Торماسова, а в 1812г. – маркиза Паулуччи. В 1816г. то же поручение исполнил у не менее легендарного генерала А.П. Ермолова. Вместе с ним Бебутов принял участие в боях против кавказских горцев, приобретая славу храброго и искусного командира. Ермолов первым заметил высокие военные знания молодого офицера с кавказской внешностью.

В 1821г. В. Бебутов был назначен сначала командиром Менгрельского, а потом – командиром Имеретского полка. Его отряд вел тяжелые бои с Шамилем, и во время одного из боев под Хозреком Бебутов встретил своего соотечественника генерала В. Мадатова. Но если имя последнего уже было довольно известно в России, то для Бебутова только начинались главные события, которые должны были возвести его вверх по ступеням боевой славы.

Когда началась русско-турецкая война 1828–1829 гг. Бебутов, в качестве командира одного из отрядов, принял участие во взятии Ахалцыхской крепости, после чего был назначен начальником области. О том, каким эффективным было его начальство, В. Потто в своей книге пишет: «Князь Бебутов, уроженец Армении, отлично знал не только восточные обычаи, но и наречия местных жителей и кротким обращением скоро сумел приобрести к себе такое доверие, что даже буйное и воинственное население самого Ахалцыха, фанатически преданное туркам, ни разу не обнаружило склонности к какому – нибудь беспорядку. Беки, известные в прежние времена своими разбоями, не раз приезжали к нему на поклон и величали пашою.

Популярность его быстро росла. Каждый день приходили к нему толпы народа с просьбами о своих нуждах, радуясь, что могут говорить с начальником без переводчиков, которых вообще не любят, зная их проделки».²⁰⁴

Однако, не только этим прославился армянский полководец в этой войне. В летописи русского военного искусства есть страница, которая принадлежит только Бебутову – защита Ахалцыха в 1829г. Двадцатитысячная армия Ахмед бея двинулась на Ахалцых. Бебутову приказано было любой ценой отстоять крепость, хотя в своем распоряжении имел силы в несколько раз уступающие турецким войскам.

Турки со всех сторон окружили крепость, надеясь взять ее без особого усилия. Бебутов здесь проявил не только дипломатические навыки, всякий раз на угрозы Ахмед бея отзываясь уклончивыми ответами, но и показал высокие полководческие знания, благодаря чему Ахалцых 12 дней противостоял натискам турецкой армии.

Оценивая подвиг Бебутова, русский историк пишет: «Защита Ахалцыха бесспорно составляет, по своему внутреннему смыслу, одним из высоких военных подвигов. И на Кавказе тогда много дивились тому, что князь Бебутов не получил Георгиевского креста на шею, а был награжден Анненскою лентою. Прошло шестьдесят лет, но не забыта еще славная защита Ахалцыха, составляющая одну из лучших страниц боевой истории ширванцев, как ни забыто славное имя князя Василия Осиповича Бебутова, впоследствии героя Баш-Кадыклара и Кюрюк-Дары».²⁰⁵

Защитникам Ахалцыха принес свою благодарность главнокомандующий И. Паскевич: «Защитники Ахалцыха, среди суровой зимы огромные неприятельские силы об-

²⁰⁴ Потто В.А., Кавказская война..., т. IV, с. 112-113.

²⁰⁵ Там же, с. 137-138.

легли крепость, храбрости вашей вверенную... Искренне благодарю вас, храбрые воины. Нынешний подвиг достоин вас. Вы доказали, что умеете побеждать в поле, умеете брать крепости и умеете оборонять их».²⁰⁶ Защита Ахалцыха принесла Бebutову золотую саблю.

После окончания войны в 1830г. Бebutов был назначен начальником Армянской области. На этом посту он пробыл до 1838 г., затем на некоторое время оставил Кавказ и был назначен комендантом польской крепости Замостье. В 1844г. Кавказу вновь понадобился Бebutов. Он возвратился и был назначен командиром Дагестанского отряда и принял участие в военных действиях против горцев. В 1846г. Бebutов атакой взял аул Аймяки, а через два дня наголову разбил один из отрядов Шамиля около деревни Кутшице. На этот раз Бebutов был награжден орденом св. Георгия III-ей степени, которого был давно достоин.

В 1853г. началась Крымская война. В. Бebutов был назначен командиром Александропольского отряда Кавказского корпуса. В том же году начавшаяся Крымская война в биографию генерала-адъютанта В. Бebutова вписала много славных страниц. Доказательством этому служат многие похвальные записки высших чинов и его сослуживцев.

Первый знаменитый бой Бebutова произошел в Баш-Кадькларе. 14 ноября, имея в своем распоряжении всего лишь 10 тыс. отряд, Бebutов двинулся на 36 тыс. армию турок. Получив это известие, Ахмед паша поспешил встретить Бebutова в Баш-Кадькларе. Генерал сам составил план предстоящего боя. Сражение началось яростными атаками обеих сторон. В какой-то момент положение русских стало тяжелым; турки, пользуясь численным перевесом, угрожали окружить весь русский отряд.

В этот тяжелый момент, как и подобает командиру, Бebutов, взяв два батальона Ереванских карабинеров, сам повел их в атаку. Его действия и решили судьбу сражения; не выдержав атаки, турки сперва оставили левый фланг, затем – центр. Прошло немного времени – и турки в панике искали спасения только в бегстве с поля боя, оставив 6 тыс. убитыми, 24 орудия, весь лагерь и обоз. Потери Бebutова в этом бою составили всего 1200 человек. Баш-Кадькларская победа праздновалась по всей России.

Интересные моменты этого сражения запечатлены в воспоминаниях генерал-лейтенанта Павла Рудакова. Записки генерала очень объемные, поэтому мы постараемся представить те эпизоды, которые непосредственно относятся к Бebutову: «Турки в значительных силах стали собираться под Карсом, в 70-ти верстах от Александрополя, главного опорного пункта наших пределов и разграбили несколько пограничных селений. Получивши о том известие, – вспоминает генерал, – князь Воронцов с поспешностью приказал собраться в отряд, всего тысяч до 14-и, и начальником этого отряда был назначен генерал-лейтенант князь В.О. Бebutов, старый кавказский ветеран, приобретший репутацию храброго и распорядительного генерала...

Это сражение действительно можно назвать одним из самых знаменитых подвигов русского войска. Честь его принадлежит равно без исключения всем участвовавшим в этом деле, начиная от князя Бebutова до последнего солдата... Князь Бebutов, обладающий личной храбростью, оказывался в самых опасных местах и воодушевлял войска там, где было надобно... Турки были совершенно разбиты и бежали, оставив в руках наших весь свой лагерь, несколько пушек, знамен и другие разные трофеи».²⁰⁷

²⁰⁶ Там же, с. 138.

²⁰⁷ «Русская старина», 1883, № 12, с. 524, 528.

Следующий победоносный бой Бебутова произошел в Кюрук-Даре. Турки никак не хотели смириться со своим поражением и старались переломить ход войны. Эту «миссию» взял на себя турецкий командир Мустафа-Зариф паша. Он приказал составить специальный план, автором которого был французский генерал Гюнон. Турки и в этот раз также рассчитывали на свое численное превосходство (почти 60 тыс.), решив окружить русский отряд и этим окончить военные действия на кавказском фронте. Наступление было назначено на 24 июля 1854.

Будучи осведомленным разведкой, что турецкий обоз движется по Карсской дороге, Бебутов решил перейти в контрнаступление, несмотря на то, что в своем распоряжении имел всего 18 тыс. солдат. В сражении принимал участие также Скобелев, тогда еще полковник, позже один из прославленных генералов русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В этом бою вновь блеснул полководческий талант В. Бебутова.

В критический момент сражения, когда русским уже удалось остановить натиск турок, Бебутов, вновь став во главе отряда, сам повел своих солдат в атаку. Кстати, на левом и правом флангах вместе с ним сражались два его соотечественника. В авангарде отряда находился полк Лорис-Меликова, а на левом фланге – командир четвертого Новороссийского драгунского полка генерал-майор Тинауров, «армянин по национальности, который везде и во всем умел защитить свою честь и был примерным командиром».²⁰⁸ Как утверждает генерал Рудаков, эта атака и стала решающей в бою. Только усталость солдат спасла турок от полного уничтожения, но Лорис-Меликов преследовал их до турецкого лагеря. Остатки турок укрылись в Карсе.

Оценивая полководческий талант В. Бебутова в этом бою, русский генерал далее пишет: «Наступило 24 июля 1854 г. – день, покрывший новою славою оружие русское и утвердивший окончательно военную репутацию князя Бебутова. Мне господь привел, совершенно неожиданно, быть участником в знаменитом Кюрук-Даринском сражении. Оно принадлежит к числу самых блистательных эпизодов нашей военной славы. Турецкий командующий в самом начале кампании имел армию превосходящую числом отряд Бебутова больше, нежели вдвое».²⁰⁹

Эту заметку мы хотим подчеркнуть особо: «Вместе с Бебутовым распоряжались и князь Барятинский, и начальник артиллерии Бриммер, и начальник кавалерии Богтовут, и несколько других начальников частей, каждый по своему усмотрению... Но за всем этим здесь вся честь успеха далеко больше, чем под Баш Кадыкларом, принадлежат исключительно одному князю Бебутову... Покойный государь, обладавший во многих случаях большой пронизательностью, умел оценить всю важность услуги, оказанной победой князя Бебутова: получив о ней донесение, он прислал князю орден Андрея Первозванного – награду, каковую в генерал-лейтенантском чине в России еще никто не получал».²¹⁰ И это правда. После этой победы император Николай произнес свои знаменитые слова: «Князь Бебутов хочет увидеть меня своими победами, а я удивлю его своей наградой».²¹¹

В Петербурге, в церкви Зимнего дворца, в присутствии императора Николая I был отслужен благодарственный молебен, а затем турецкие знамена трофеи – победоносного боя, в сопровождении кавалергардов, пронесли при трубных звуках по всем улицам столицы.

²⁰⁸ Там же, с. 546.

²⁰⁹ Там же, с. 529.

²¹⁰ Там же.

²¹¹ Там же.

Также трогательно была торжественная церемония вручения награды Бебутову: «Начались поздравления. Оживление было чрезвычайное... – вспоминает Рудаков. – Тут же надели на князя ленту. Приветствуя войска в новой ленте, князь Бебутов говорил: «Вам, господа, и всем, братцы, обязан я монаршей милостью; вас считаю награжденными в моем лице... – Рады стараться!», – отзывались солдаты и отзывались искренне. Добрые чувства офицеров к князю Бебутову выражались в желании поздравить его с царской милостью поближе, в своем шатре, за своим хлебом-солью».²¹²

В записках русского генерала интересна также характеристика самой личности Бебутова: «С князем Бебутовым я познакомился перед выступлением его в походы, потом был с ним в сражениях и наконец провел несколько зимних месяцев в Александрополе, после похода, будучи им обласкан самым обязательным образом. Князь Бебутов, происходя от одной из лучших армянских фамилий, воспитывался в Петербурге, где и получил хорошее светское образование. Служил сперва в гвардии, испытывал в жизни своей много разных превратностей и, наконец, в последнюю эпоху войны, приобрел себе настоящую свою известность.

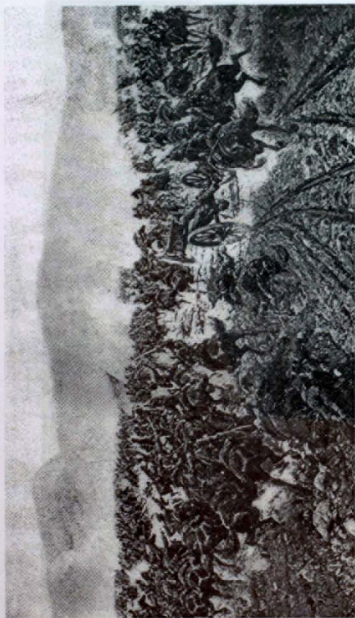
В физиономии князя Бебутова, – продолжает далее Рудаков, – преобладает армянский: при чрезвычайно большом носе, глаза не велики, но умны, быстрые и проницательные, волосы некогда черные, теперь значительно седы. Движения живы и добры... имеет дар обращаться с солдатами, одобрить и задобрить их приветливым словом. Не получив специального военного образования, князь Бебутов не может называться ни искусным стратегом, ни замечательным тактиком, но будучи умен, счастлив и обладая личной храбростью, при всех своих досто-

Ван-Кадьясарская битва (1854г.)

²¹² «Военный сборник», 1860, т. 13, с. 166-167.

Кюрюк - Даринская битва (1855г.)

инствах, он представлял собой образец такого начальника, под командой которого служба для подчиненных легка и приятна... Рассказывают, что солдатские ордена вручал сам Бебутов и всем по отдельности посвящал доброе слово, которое солдаты считали как денежную награду...».²¹³

После Кюрюк-Даринского сражения новым командиром кавказского корпуса и наместником Кавказа был назначен знаменитый генерал Николай Николаевич Муравьев. Бебутов получил новое назначение начальника управления гражданской части Кавказа. После войны получил чин генерала от инфантерии, а перед смертью в 1858г. стал членом Государственного совета.

Заканчивая раздел, вниманию русского читателя хотим представить некоторые характерные отзывы о Бебутове со страниц русских журналов. Эти публикации общают военные и человеческие достоинства армянского полководца. Интересные воспоминания о Бебутове оставил генерал М. Ольшевский. Последний был начальником штаба Кавказского корпуса и сослуживцем армянского полководца. «Князь Бебутов принадлежит к числу немногих почтеннейших фамилий, вышедших из Армении и занявших видное место в ряде княжеских родов Грузии. Предки его занимали знатные должности при дворе царей грузинских и озаменовали себя военными доблестями. Князь Василий Осипович, – пишет он, – младший из четырех братьев, был первым из грузинских князей, получивших воспитание в Петербурге. Выпускник 1-го кадетского корпуса, по прибытии в 1809г. в Тифлис, он пользовался расположением Торماسова, маркиза Паулуччи и был адъютантом Ермолова.

В 1821г. Бебутов был назначен командиром Менгельского полка, после взятия Ахалцыха – начальником

²¹³ «Русская старина», 1883, № 12, с. 528.

Ахалцхского пашалыка, затем управлял Армянской областью».²¹⁴ После биографических сведений автор далее представляет воспоминания о военных операциях, в которых с похвалой отзываясь о своем командире.

В августовском номере журнала «Русский архив» за 1888г. наше внимание привлекла статья, из которой стало известно, что в канун Кюрук-Даринского сражения император Николай выразил некоторую озабоченность по поводу Бebutова: «Император с сожалением усмотрел, что князь Бebutов не только не предпринимает решающих действий, но явно смотрит назад».²¹⁵ Как доказательство этому, автор статьи А. Зиссерман подробно описывает «знаменитое сражение знаменитого генерала. – Князь Бebutов, – пишет он, – был образованной и умной личностью. По своей сути являясь отличным организатором, он умел общаться с солдатами и заботиться о них, достоин и любезно обращался Бebutов также с офицерами».²¹⁶

В журнале «Русская старина» была помещена не менее интересная статья Ал. Берже. В нем сделаны интересные параллели Н. Муравьева с В. Бebutовым. В начале Берже представляет отзыв самого Муравьева о Бebutове: «Командующему действующим корпусом князя В. Бebutова, достойного вождя, победителя Баш-Кадыхлара и Кюрук-Дары, сослуживца молодых лет моих, – пишет генерал, – прошу принять выражения душевного моего уважения к подвигам его, охранившим дружбу. Почтивший государь уже гласно признал заслуги его, себя считаю только довести до сведения всемилоштившего государя о том отличном состоянии, в коем я нашел войска, вверенные генерал-лейтенанту, князю Бebutову».²¹⁷

²¹⁴ Там же, 1884, № 10, с. 172.

²¹⁵ «Русский архив», 1888, № 10, с. 226.

²¹⁶ Там же, с. 227.

²¹⁷ «Русская старина», 1873, № 10, с. 608.

Далее Берже продолжает: «Таков был отзыв Муравьева о князе Бebutове, которого он вслед за сим отпустил в Тифлис, поручив ему войска, не входившие в состав действующего корпуса. Но спрашивается, что же побудило сложить с достойного полководца командование и самому вступить на его место и насколько выиграло в этом отношении само дело? Вопрос этот разрешается просто».²¹⁸

По мнению Берже, во всем этом был «виноват» сам Бebutов, по той простой причине, что «Муравьев далеко не равнодушно смотрел на военные подвиги своего старшего товарища, который не мог не возбудить в нем чувства весьма понятной зависти. К тому же известно, что он был крайне честолюбив и что именно это свойство заставило его еще в 1827г., в последнюю войну нашу с Персией, заняв Тавриз, который, кроме недовольства графа Паскевича, не принес ему никакой пользы».²¹⁹

Проводя сравнительную параллель между двумя прославленными полководцами, Берже далее отмечает: «После неудачи 17 сентября 1855г. (речь идет о неудачной Карсской операции – А.О.) в войсках исчезла всякая вера в умение Муравьева вести его к победам, везде сопровождавшим князя Бebutова, против которого, по общему мнению, не простоял бы и Карс. К этому убеждению не можем не присоединиться и мы. Премущество князя Бebutова над Муравьевым сразу бросалось в глаза: Князь Бebutов был одарен способностями, несравненно более обширными, чем Муравьев, не говоря уже о том, что он был хорошим администратором».²²⁰

К сказанному хочется добавить одну очень примечательную заметку из воспоминаний русского офицера, по-

²¹⁸ Там же, с. 608-609.

²¹⁹ Там же.

²²⁰ Там же.

мешенную в журнале «Военный сборник»: «После смены Бебутова мы все чаще вспоминали славное время Кюрук-Дары. Увидев Бебутова, долго не умолкали приветственные крики, переходя из батальона в батальон, из эскадрона в эскадрон, из сотни в сотню. И солдаты весело смотрят в лицо своего доброго начальника... Тогда мы сядились на лошадей с удовольствием, шли вперед бодро и щеголяли удалью...»²²¹

Где бы ни служил Бебутов, он прославлял свое имя как умелый стратег и умный организатор. Поэтому нет ничего удивительного, что его сослуживцы и высшие армейские чины так похвально отзывались о его личном обаянии. «В. Бебутов, — пишет хорошо знавший Кавказ генерал Инсарский, — могучее имя на Кавказе. Он имеет также большой авторитет и славу в императорском дворе. Известно, что в канун восточной войны он был вызван в Петербург принимать командование войск на Кавказе. Была полная уверенность, что ему, как местному и умному человеку, прекрасно известны дух народа и разные средства обороны наших южных границ. В Петербурге Бебутов произвел прекрасное впечатление, благодаря своему уму и мудрости делал такие большие дела, которые еще больше возвысили его славу.»²²²

Подобная оценка была опубликована и в газете «Кавказ»: «Переходя попеременно в продолжение слишком полувека от круга одной деятельности к кругу другой, эта замечательная служебная личность развивалась и созрела для того высокого поприща, которого в последнее время удостоился доверия государя императора.»²²³

Василий Осипович Бебутов умер 10 марта 1858г. в Тифлисе, оставив потомкам имя храброго и умелого пол-

ководца. Вот что говорит историк В. Потто: «Немногим русским полководцам удалось стяжать такое имя и похвалы в русском обществе, как Бебутову».²²⁴

Участвуя в разных кампаниях русской армии, до звания генерал-лейтенанта русской армии дослужился и младший брат В.О. Бебутова — князь *Давид Осипович Бебутов*. Получив образование в Тифлисе в благородном училище, в 1811г. он поступил юнкером в Нарвский драгунский полк, расположенный тогда в Кахетии. Впоследствии Д.О. Бебутов был походным атаманом полков западной армии, а в последние годы жизни — комендантом Варшавы.

Русскому читателю знакомо также имя генерал-адъютанта *Ивана Давыдовича Лазарева*. Полководческий талант армянского генерала высоко был оценен в России. «В ряду кавказских деятелей еще недавнего прошлого времени, — пишет В. Потто, — имя Ивана Давыдовича Лазарева принадлежит к числу тех немногих имен, на которых будущие поколения остановятся с невольным удивлением и глубоким сочувствием. Это был редкий самородок, блестящий, крупный талант, который повсюду, где бы он ни был, оставлял после себя славную память...»

Генерал-лейтенант Иван Лазарев принадлежит к числу тех знаменитых полководцев — которые поневоле привлекают на себя внимание современников и передают истории свое имя для примера служения потомкам только после этого».²²⁵ Вот почему этому армянскому полководцу В. Потто посвятил специальный труд — «Генерал-адъютант Иван Давыдович Лазарев».

Вступая на военное поприще 20-летним юношей, Лазарев не имел за собою ни знатного имени, ни богат-

²²¹ «Военный сборник», 1863, № 2, с. 486.

²²² «Русский архив», 1868, № 8, с. 1007-1008.

²²³ «Кавказ», 1854, № 27.

²²⁴ *Потто В.А.*, Кавказская война... т. III, с. 138.

²²⁵ *Потто В.А.*, Генерал- адъютант Иван Давыдович Лазарев, Тифлис, 1900, с. 5.

ства, ни связей, и между тем быстро достиг высоких ступеней почета и славы. Его необыкновенный ум и колоссальные способности, перед которыми невольно преклонялись – вот единственные двигатели его блестящей служебной карьеры. «Люди подобного типа редкость, и даже в старой кавказской армии... он занимал одинаково высокое место как среди победоносных русских вождей, так и среди умных и деятельных администраторов края. Для последних слово его было законом».²²⁶

Выходец из бедной семьи карабахских армян, проживавшей в Шуше, Лазарев поступил на службу рядовым в знаменитый Ширванский пехотный полк, который Ермолов называл десятым римским легионом. Здесь он получил первую награду – солдатский Георгиевский крест (1842г.) и был произведен в офицеры и командовал мушкетерскою ротой. Никакой особенной перспективы ему не предвиделось: он был добрый и любимый товарищ, хороший боевой офицер – и только. Никто не видел в нем настоящих военных талантов и никто не предвидел того блестящего места, которое он займет в истории Кавказа и соединит свое имя с именами Гуниба и Карса. Нужен был случай и он представился.

Это было в 1848 г. Крепость Ахты со своим трехротным гарнизоном, обложенным десятитысячным войском самого Шамиля, «уже билась в предсмертной агонии», когда на выручку к ним явился князь М.З. Аргутинский с войсками Дагестанского отряда. Но путь к Ахту был прегражден громадными завалами и их нужно было взять штурмом. Князь Аргутинский приказал трем батальонам ширванцев идти на штурм. Горцы приготвились встретить их. Под страшным оружейным огнем неприятеля, Лазарев первый бросился к завалам. Он упал раненый у самого подножия завалов, но путь уже был открыт и

ширванцы, оправившись, быстро овладели завалами. Крепость была спасена.

Когда Аргутинский поднялся в горы со своей свитой, он увидел Лазарева в крови, сидевшего на завале. Он был без сознания. Аргутинский тогда впервые обратил внимание на этого храброго офицера и «поручил его особой заботе медиков». Между тем, Аргутинский не раз посещавший его во время болезни, заметил его способности: он приблизил его к себе и стал давать ему различные поручения. Лазарев исполнял их с таким усердием, с таким знанием края, жизни, обычаев горцев, что скоро приобрел полное доверие князя Аргутинского и через два года получил ответственный пост правителя Мехтулинского ханства.

С этого времени и началась его громадная популярность среди дагестанских горцев. Суровый, иногда жесткий, но честный и справедливый ко всем сословиям, он быстро водворил порядок, спокойствие и безопасность. Благодаря своей проницательности и глубокого понимания характера горцев, он знал все и часто, не имея регулярных войск, громил шайки бандитов. Скоро имя его сделалось грозой в соседних беспокойных аулах. Чтобы еще больше облегчить свои отношения с горцами, Лазарев за короткое время в совершенстве изучил татарский язык. Молва о нем дошла до самого Шамиля и та крупная роль, которую пришлось играть Ивану Давыдовичу при сдаче последнего имама на неприступном Гунибе достаточна, чтобы показать каким огромным было его обаяние среди непокорных горцев.

25 августа 1859 года русские войска штурмом взяли Гуниб. Попытки начать переговоры с Шамилем не привели к результату. Сопротивление стало бесполезным и скоро над одной из скал поднялся белый флаг. Шамиль велел спросить, здесь ли полковник Лазарев и если да, то пусть придет в аул для переговоров. Он желал от него услышать

²²⁶ Братская помощь... с. 288.

советы и только на его слово хотел положиться. Зная каким уважением пользуется имя Лазарева в горах, князь Барятинский предложил ему ехать на переговоры.

Поручение было нелегкое и не лишённое опасности. Но полковник Лазарев принял его без колебания и отправился на переговоры один, без всякого конвоя. На небольшой площадке аула он встретил толпу вооружённых мюридов. Посреди этой толпы возле серой оседланной лошади стоял человек довольно высокого роста с угрюмым лицом. Не трудно было угадать в нем самого Шамиля. Лазарев приветствовал их обычным восточным поклоном, не показав вида, что узнал грозного правителя Дагестана, и попросил указать ему на Шамиля. Стояло тяжелое молчание: – «Шамиль, всему миру известно о твоих подвигах и слава их не померкнет в горах..., покоришь же сам судьбе и предаёшь великодушию русского императора... покажи, что велик как в счастье, так и в несчастье...».²²⁷

Шамиль однако колебался, ставил разные условия и в том числе и то, чтобы Лазарев остался заложником при его семействе. Когда Иван Давыдович резко отверг все эти условия, мюриды заволновались и даже схватились за оружие. Однако Лазарев не потерялся в эту критическую минуту и так энергично крикнул на мюридов, что они притихли. Тогда он обратился к Шамилю: – «Полно, Шамиль, ведь ты не женщина! – Я предаюсь твоему честному слову, – сказал он Лазареву, сел на коня и выехал из аула. Лазарев ехал вместе с ним и удерживал его в минуты колебаний, – а такие минуты были! Так, грозный повелитель гор, имам Чечни и Дагестана, герой Ичкеринского леса и Дарго, после тридцатилетней обороны, шел чтобы закончить кровавую борьбу и сложить оружие».²²⁸

²²⁷ Там же, с. 292

²²⁸ Там же.

После этих событий, Иван Давыдович Лазарев был произведен в генерал-майоры и назначен начальником среднего Дагестана и управляющим Даргинским округом. Кстати, управляя Дагестаном, Лазарев жил на Гунибе, в том самом орлином гнезде. Один путешественник, посетивший его через год после отъезда Шамиля, рассказывает, что Лазарев и все его управление жили в простых войлочных кибитках и даже в палатках.

Через семь лет Лазарев был произведен в генерал-лейтенанты и назначен начальником 21-й пехотной дивизии, расположенной в Дагестане.

Вершиной военной службы Ивана Давыдовича Лазарева была русско-турецкая война 1877–1878 гг. В генеральном бою у Аладжийских высот он командовал колонной и отрезал большую часть турецких войск, отступающих к Карсу. Орденом св. Георгия III степени был награждён Лазарев за эту битву. А впереди было взятие самого Карса, в котором Лазарев принимал непосредственное участие как командарм штурма на Карскую крепость.

Представленные отрывки – яркое тому доказательство: «Когда на военном совете ставился вопрос взятия Карса, – пишет Потто, – голоса участников совещания разделились. Многие высказывались в пользу того, что имея в виду надвигающуюся зиму, нужно войска разослать по квартирам, а штурм перенести на следующий год. Другие, напротив, защищали ту точку зрения, что все это даст возможность туркам прийти в себя от предыдущих поражений и еще сильнее и крепче обосноваться в Карсе. Из всех участников эту точку зрения наиболее активно отстаивал Иван Лазарев, находя что взятие Карса возможно и необходимо, так как другой такой возможности больше не будет. Его убедительные слова вышли победителями и вопрос взятия Карса был решен».²²⁹

²²⁹ Потто В.А., Генерал- адъютант Иван Давыдович Лазарев, с. 327-328.

Хочется представить также некоторые подробности взятия Карсской крепости. «Идея предстоящей ночной атаки привела к бурным спорам в военном совете, – продолжает В. Потто, – но в конце концов все согласилось с заключением Лазарева, который ночную атаку считал главной гарантией удачи».²³⁰ «В ночь на 3-е ноября генералы собрались в палатке Лазарева. Речь шла о предстоящей атаке, и у генерала окончательно утвердилось убеждение, что надо воспользоваться текущими морозами и лунными ночами, как способствующими атаке обетоятельствами. Для поднятия боевого духа солдат... он попросил разрешение лично раздать Георгиевские кресты низшему составу, который отличился в боях и не успел получить свои награды».²³¹

И последнее: «Пули летали повсюду, неожиданно за спиной Лазарева начался переполох: многие сошли со своих седел. Лазарев догадался в чем дело, но, даже не поворачиваясь, только спросил: – Кто ранен? – Поручик Лазарев, – ответили ему дрожащим голосом. – Убрать, – коротко ответил генерал. Ни одна мышца его глаз даже не шелохнулась, услышав весть о гибели любимого родственника (поручик Лазарев был сыном его брата Бабаджана. А.О.)».²³² Представленные отрывки были растянутые, но вместе с тем, не соблазнить описаниями историка Потто, просто невозможно. В таком духе автор продолжает описывать весь пройденный военный и гражданский путь армянского полководца.

О Карсской операции писали многие высокопоставленные офицеры, принявшие непосредственное участие в сражении. Думаем, что эта подробность также заинтересует русского читателя: «Весь день погода стояла яс-

²³⁰ Там же, с. 334.

²³¹ Там же.

²³² Там же.

ная, морозная (с 5-го на 6-ое ноября 1877г.), с закатом солнца взошла почти полная луна. В торжественном молчании войска выстроились перед палатками, в семь часов вечера. Генерал Лазарев в последний раз объехал штурмовые колонны и вполголоса поздравил войска с предстоящей победой: «Эта самоуверенность перед рискованным делом, – пишет Н. Шнеур, – как ночной штурм, многим показалась утрировкой, но генерал Лазарев в ту же ночь показал, что его тон был действительно результатом убеждения и бесповоротной решимости победить».²³³

Кстати, надо отметить, что двумя отрядами атаковавшими крепость, командовали также армянские полководцы: пятым эшелонном командовал генерал-майор Я.К. Алхазов, вторым – командир четвертого стрелкового батальона подполковник Меликов.

Это был четвертый и последний штурм Карса. За этот славный и выдающийся военный подвиг Лазареву была пожалована высшая боевая награда – орден св. Георгия II-го класса большого креста, а в 1878г. на Георгиевском празднике в Петербурге он был назначен генерал-адъютантом, а вслед за этим командиром 2-го Кавказского корпуса. Таким образом, на 36 году своей службы, армянский офицер без связей и протекций, одними личными заслугами проложил себе дорогу к почестям и взшел на высшие ступени военной иерархии.

Последняя военная операция, в которой Иван Давыдович принял непосредственное участие, была туркменская экспедиция. Две предыдущие экспедиции, предпринятые полковником Маркозовым (кстати, тоже армянского происхождения) и генералом Ломакиным, закончились неудачно. Весною 1879 года была организована третья экспедиция и главенство над нею было поручено

²³³ «Военный сборник», 1888г. т. 135, с. 194.

генерал-адъютанту Лазареву. Этот выбор был сделан как нельзя удачно, ибо громкая известность генерала, так обстоятельно действующая на азиатов, произвела такое впечатление на буйных кочевников, что они сразу прозвали его «Батыр-сардар», то есть богатырь-главнокомандующий.

Лазарев с необычной энергией принялся к приготовлению к походу, но судьба не дала ему закончить так блистательно начатое дело; он внезапно был поражен тяжелой скоротечной болезнью, которая и прекратила его славные дни. Он умер 14 августа на 59 году жизни. Лазарев был похоронен в Тифлисе 27 августа в Ванском армянском соборе. *«Гранит простоят века, — пишет В. Потто, — но еще крепче гранита было бы живое слово, которое передало бы потомкам в живых и ярких красках образ этого славного полководца, гражданина и администратора. Подобные люди достойны иметь свою биографию и нельзя не пожалеть, что до сих пор об этом никто не подумал.»*²³⁴ Думаем, что этим сказано все.

Уроженец Тифлиса **Яков (Акоп) Алхазов (Алхазян)** военное образование получил в кадетском корпусе, где его имя записано на мраморной доске. В 1844г. он был произведен в прапорщики лейб-гвардейского финляндского полка. В 1864г. Алхазов назначается командиром 4 пехотного полка, а в 1874г. был произведен в генерал-майоры. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. назначается командиром Кутаисского, а затем Сухумского, Ингурского и Гурийского отрядов, принимал участие в сражении на Аладжийских высотах во взятии Карса. За храбрость был награжден орденом св. Георгия IV степени и орденом св. Анны I степени. «Когда сзади показались владикавказцы, — читаем мы у Потто, — приведен-

ные лично генералом Алхазовым, раздалось громкое «ура»... В одно мгновение все укрепление было окончательно в наших руках и турки бросились опретью в город... Я спустился прикрытым путем назад и встретил уже контуженного генерала Алхазова, спустившегося пешком с помощью винтовки. Он только что привел несколько батальонов, прибытие которых было как нельзя более кстати. Получив от него приказание передать генералу Лазареву, что форт Хафез взят, я послепил обратно к Лазареву сообщить ему первую приятную весть за этот тяжелый вечер».²³⁵

Будучи контужен в левый висок осколком гранаты, Алхазов должен был покинуть театр военных действий до окончания войны, за отличия в которой, кроме наград, он получил чин генерал-лейтенанта. В Карсе одна из улиц в честь него названа Алхазовской. В 1878г. Алхазов был назначен начальником 41 пехотной дивизии, а в 1885г. получил 3 армейский корпус. В 1891г. произведен в генералы от инфантерии.

Впрочем, взятие этого форта было поручено Меликову: «Из штурмовых колонн первой достигла своей цели колонна подполковника Меликова, — утверждает В. Потто. — Почти одновременно с этим первым захватом началась общая перестрелка. Князь Меликов немедленно двинулся далее... пока две пули в упор не прекратили его стремительного наступления...».²³⁶ К сожалению, Карский штурм был последним в жизни Меликова: армянский командир был смертельно ранен, когда до взятия крепости оставались считанные минуты.

Очерк, рассказывающий о другом армянском полководце русской армии, хотим начать из воспоминаний штабного офицера кавказской армии, генерала Шнеура.

²³⁴ Братская помощь... с. 288.

²³⁵ Там же, с. 198-199.

²³⁶ Там же, с. 202.

«11-го апреля 1877г. поздно вечером все мы, чины штаба ахалцыхского отряда, пришедшего накануне с Елизаветинским пехотным полком из Ахалцыха в Ахалкалаки... Все мы были оторваны от семьи, от света, лишены возможности вести привычную жизнь и брошены в пограничный армянский городок, который не был в состоянии доставить всем вновь приехавшим даже сухо-го помещения».

Кстати, эта российская база, которая ныне находится на территории Грузии, по настоянию грузинских властей, недавно была расформирована. А между прочим, столетиями существующая база, находится в нескольких десятках километрах от турецкой границы. История не прощает ошибок... «Я привожу все эти подробности только для того, – продолжает Шнеур, – чтобы объяснить ту почти неосознанную жажду войны, которую можно было видеть в солдатах и офицерах. С другой стороны, все мы, семьи которых жили в ближайшем соседстве с «милыми» турками, не могли без содрогания читать ужасные рассказы о зверствах в Болгарии и Армении. Как отцы семейств, мы более живо чувствовали необходимость поскорее покончить с этим привилегированным варварством в нашем ближайшем соседстве. В нас не было столько изуверства, чтобы смотреть на турок глазами англичан. Было четыре часа утра 12-го апреля. Сильный стук в дверь и голос начальника штаба разбудили меня... Наконец! Давно с нетерпением ожидаемое известие подняло нас в одну минуту, и все мы с радостным волнением уже летели к начальнику отряда».²³⁷

А сейчас по существу. Представленные ныне эпизоды касаются одного из героических полководцев русской армии армянина генерала *Бэбута Мартиросовича Шелковникова*.

Шелковников учился в Первом московском кадетском корпусе и Николаевской академии Генерального штаба. Отличился при защите Черноморского округа. В чине генерал-майора участвовал в битве при Авлиаре, взял Сухуми. После занятия русскими войсками Эрзерумской области генерал Шелковников был назначен ее губернатором. «Вообще поведение генерала Шелковникова, – продолжает Шнеур, – было настолько превосходно, что войска, видевшие его почти впервые, на другой день уже доверяли ему безусловно и позволили ему совершить одно из тех блестящих по своей милости действий, которые должны навсегда сохраниться в памяти военной истории, но об этом позже».²³⁸

Дело в том, что в начале боя русская армия потерпела поражение, почти полностью потеряв весь конный отряд генерала Шака. Положение надо было спасти, – признает Шнеур, – тем более что было получено наставление корпусного командира Лорис-Меликова. «Печальный исход блестящих действий генерала Шака поверг нас в уныние, так как было очевидно, что из-за израсходования лучших сил нам в этот день уже нечего было ожидать серьезных действий... Едва успела окончиться трагическая борьба генерала Шака, как на самой высшей точке Аладжикского хребта, в тылу турок, показались дымки. Никто не верил своим глазам.

Радостные крики: «Шелковников, Шелковников! – раздавались повсюду. Он не только преодолел едва доступные местные трудности, они не только взобрались на неприступные высоты, но и подоспели вовремя. Если бы прорыв турецкого центра нам удался, он оказался бы на своем месте. Но теперь пояснения его уже не могли поправить дела... С Шелковниковым повторилось то же,

²³⁷ «Военный сборник», 1880, т. 131, с. 423.

²³⁸ Там же, с. 401.

что и с Шаком: видя грозные массы со всех сторон наступавших на него турок, он все еще не терял надежду на поворот дела в нашу пользу, но, окруженный с трех сторон превосходящими силами неприятеля и имея в своем распоряжении всего четыре горных орудия, под командованием, весьма храброго офицера капитана Бектабекова (из знатной Тифлисской армянской фамилии Бектабековых), он во время своего отступления не мог держать турок далее нескольких десятков шагов от себя и несколько раз бывал даже полностью окружен.

Отступление его походило на отступление раненного льва, окруженного стаей трусливых собак... Смелость и мастерство, благодаря которым он, дважды обманув бдительность турок и преодолев трудности самой местности, успел выполнить возложенную на него трудную задачу по занятию высоты в тылу турок, превзойдены могут быть, только энергией, смелостью и искусством его отступления ввиду превосходства сил турок, наседавших на него с тыла и старавшихся пресечь ему путь к отступлению...».²³⁹

«Кавказский календарь» в 1856г. поместил очерк, посвященный другому не менее известному полководцу русской армии *Моисею Захариевичу Аргутинскому-Долгорукому*. Генералу армянской национальности посвящена также статья Н. Колубакина в газете «Кавказ» от 20 февраля 1856г.: «В Тифлисе умер генерал-адъютант М.З. Аргутинский-Долгорукий. О нем, возможно, еще будут обстоятельные и красноречивые истории как о знаменитом полководце известного рода Долгоруковых. Но едва ли кто-нибудь мог бы передать будущему поколению все то, что не зависело ни от успеха и ни от случайности. В памяти современников он остался как один из славных людей... Его соотечественники, — заканчи-

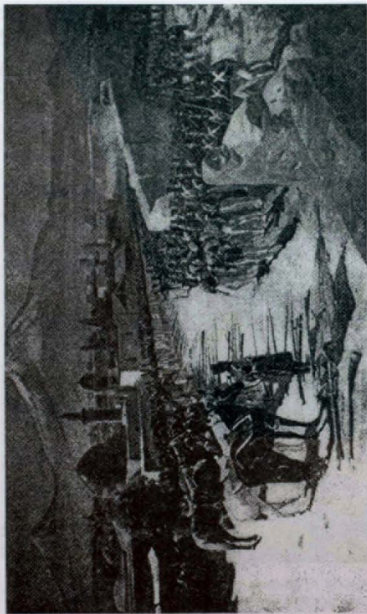
²³⁹ Там же, с. 407-408.

*Взятие крепости Карс в 1877 г.
(в центре Н. Д. Лазарев)*

См. также: *История России. 1875-1881 гг.*

См. также: *История России. 1875-1881 гг.*

Взятие Ереванской крепости русскими войсками в 1827 г. Худ. Рубо.

вает свою статью Колобакин, – гордясь тем, что он впитал в себя славу и величие Армении».²⁴⁰

Примечательна также статья об армянском полковнике, помещенная в журнале «Отечественные записки»: «Князь М.З. Аргутинский-Долгорукий поступил на службу в 1817г. юнкером в лейбгвардию конного полка и оставался в нем до получения чина штаб-ротмистра, то есть до 1827г., в котором ему было присвоено звание майора и переведен в Грузинский гренадерский полк.

С этого времени и начинается, собственно, его кавказская служба, а с нею и слава, приобретенная сначала в войне с Персией, а потом почти в тринадцатилетних непрерывных подвигах то в Грузии, то в Дагестане, то в других местностях неугасимо пылающей нашей брани с горцами. Последний подвиг, имел мало примеров даже на Кавказе – переход князя Моисея Захаровича через снежный хребет Дагестана. Славный этот переход, который закрывал дорогу Шамиля, запечатлел собою длинный ряд прежних славных подвигов героя, и в то же время положил им предел»²⁴¹, – говорится в статье.

Надо заметить, что тема покорения кавказских горцев широко освещена на страницах русской периодической печати. В этом смысле особо отличился журнал «Военный сборник»: «Батальоны, направленные в Южный Дагестан прибыли в Кубу, под начальством полковника князя Аргутинского – Долгорукого, – тогда еще мало известного на военном поприще, которое впоследствии ему суждено было пройти со славою великих мужей истории», – читаем в журнале.²⁴²

Подробно описывая бои у деревни Кюдулу, «Военный сборник» далее продолжает: «Минута была трудная.

²⁴⁰ «Кавказ» 1855, № 19, 80.

²⁴¹ «Отечественные записки», 1856, т. 99, с. 41.

²⁴² «Военный сборник», 1859, т. 5, с. 393.

Остановить неприятеля казалось невозможным, не имея артиллерии большого калибра... Тогда князь Аргутинский объявил общее наступление. Опрокинутый неприятель скопился в Койсу и был расстрелян картечным огнем. Вся река окрасилась кровью, и мутные волны понесли трупы несчастных. Победа была полная и совершенная... В ночь на 3 июля 1842 г. Шамиль отступил».²⁴³

Из «Военного сборника» мы узнаем также, что в штурме последнего оплота Шамиля, Гуниба, принимали участие три армянских полководца: генерал-майор Лорис-Меликов, командир лезгинского отряда, генерал-майор Корганов и командир апшеронского отряда, тогда еще полковник *Аришак Тер-Гукасов*».²⁴⁴

Последний уже в чине генерал-майора принял деятельное участие в войне 1877–1878 гг. и был командиром Ереванского отряда. Современники рассказывают, что Тер-Гукасов был умелым военачальником и замечательным человеком, который образцово и мужественно командовал своим отрядом. Во всех своих действиях и отношениях с солдатами он являлся носителем всеобщей гуманности, строго запрещал своим солдатам брать что-либо задаром у населения, с которым старался сохранять спокойные, мирные отношения.

Лучшим примером, характеризующим высокие нравственные черты Тер-Гукасова, служили его отношения с переселенцами – армянами. По мере продвижения Ереванского отряда по турецкой территории под его защиту стекалась масса армянских семей, спасающихся от турецких зверств. Армяне решили лучше перетерпеть все лишения и опасности похода и переселиться в пределы России, чем оставаться на произвол озлобленных турок.

²⁴³ Там же, с. 395.

²⁴⁴ Там же, с. 510–516.

В «Русском биографическом словаре» дается высокая оценка искусным действиям Тер-Гукасова, освободившего осажденную крепость Баязет. Это благодаря его героическим усилиям крепость после многодневной осады была освобождена. Этим событиям и посвящен исторический роман А. Пикуля «Баязет».

В Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. отличились также братья *Камсараканы – Аришак и Константин*, которые были крупными военными и политическими деятелями. Аришак Камсаракан учился в Лазаревском институте, окончил Тверское юнкерское кавалерийское училище, отличился в битвах за Силистрию, Плевну, Шинку, Тырново. В 1890 г. был избран городским головой Тифлиса. Константин Камсаракан учился в Московском военном училище, участвовал в русско-турецкой войне на Кавказском фронте, был назначен помощником Эрзерумского военного губернатора, вице-консулом города Эрзерума, а затем Вана.

Героями русско-турецкой войны 1877–1878 гг. были также отец и сын Арутюновы. Есаул Даниел Ага Арутюнов был известным партизаном, сподвижником М.Т. Лорис-Меликова. Тигран Даниелович Арутюнов в 1877 г. был отправлен офицером прямо в действующий корпус. За время войны был произведен в сотники и есаулы и награжден орденом св. Анны с мечами и бантом, а по окончании войны получил в командование Сундженско-владикавказский казачий полк. За доблесть, проявленную на войне, Т. Арутюнов получил орден св. Анны и Станислава первых степеней.

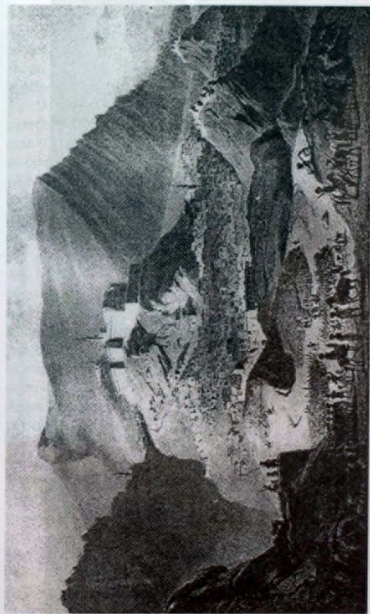
Во время русско-турецких войн 1828–1829 гг. и 1853–1856 гг. особо отличился *Лазарь Маркович Серебряков* (Арцатагорцян). Его отец, Маркос Саркисович, во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. одним из первых из числа феодосийских армян поступил на русскую военную службу.

Во время Крымской войны, вместе с Лазарем Марковичем, в сражениях участвовали и два его сына – капитан-лейтенанты Марк и Егор. Марк погиб в Севастополе в марте 1855г. Адмирал Нахимов так характеризовал его: «Прекрасный офицер, редких душевных качеств человек, он был украшением и гордостью нашего общества, а смерть его мы будем вспоминать как горькую жертву, необходимую для искупления Севастополя».

Эта маленькая заметка «Русской старины» посвящена армянскому генералу *Иосифу Ивановичу Корганову*: «И.И. Корганов оставил службу в чине генерал-майора. Являлся командиром войск в Абхазии. Умер в 1871г.»²⁴⁵

В русской прессе немало сведений и об армянском национальном герое, легендарном полковнике *Андранике*. Отзыв генерала Чернозубова свидетельствует о доблести 1-й армянской дружины под командованием Андраника в боях под Дильманом и в других сражениях (октябрь 1914г. – апрель 1915г.). «Я могу сказать про боевые действия дружины только одно лестное, – пишет генерал. – Находясь всегда в передовых отрядах, прикрывая фланги, совершая трудные обходные движения, в первом же бою дружина показала свою доблесть. Наши успехи... в значительной мере связаны с боевыми действиями 1-й армянской дружины, во главе которой всегда находился Андраник, храбрый, опытный начальник, прекрасно понимавший обстановку боя, твердый и настойчивый».

Он был всегда во главе дружины и пользовался всегда большим авторитетом среди добровольцев... дружина под начальством Андраника доблестно участвовала в знаменитом бою под Мухаджиком (Дильман), в котором Кавказ был спасен от вражеского нашествия... Я всегда видел в Андранике горячего патриота, борца за свободу

Взятие Багбата русскими войсками в 1854г.

²⁴⁵ «Русская старина», 1873, № 10, с. 611.

Армении, глубоко любящего свою Родину... Могу же констатировать большую заботливость Андраника о своих подчиненных, на которых он смотрел, как на своих детей... Андраник всегда сам подавал пример храбрости и неустрашимости».²⁴⁶

Эти строки помещены в газете «Русское слово» в статье «Андраник, вождь армянских дружин»: «Физическую удачу и чисто военную доблесть Андраник счастливо сочетал с глубоким душевным благородством и широкой сердечной добротой. Мягкий и безусловно гуманный, он постоянно удерживал друзей своих от излишней жестокости... Кто хоть раз встречался с Андраником, тот не мог не полюбить этого оригинального человека».²⁴⁷

К сказанному можно с уверенностью добавить также, что не одно поколение армянской молодежи было воспитано на примере героев-участников, сынов Армении в составе русской армии. «Армянской молодежи, — пишет Маршал Советского Союза И.Х. Баграмян, — вступившей в жизнь в начале XIX в., старшие постоянно рассказывали о положительной роли России в жизни нашего народа. Нам не раз говорили и о том, что многие сыны Армении еще в прошлые века добровольно вступали в российскую армию, доблестно сражались бок о бок с русскими солдатами.

Мы знали о генерале Мадатове, который участвовал в составе армии Кутузова в разгроме войск Наполеона, а впоследствии он стал одним из видных военачальников русской армии. Нам говорили о генерале Бебутове, который во главе русского экспедиционного корпуса принимал участие в разгроме турецких войск во время Крымской войны, о генералах-армянах Лорис-Меликове, Лазареве, Тер-Гукасове, Алхазове, Шелковникове и других,

²⁴⁶ «Русское слово» 1916, № 8, с. 208

²⁴⁷ Там же, с. 235.

Переселение персидских армян (1828 г.)

которые, командуя в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. крупными соединениями войск на Кавказском фронте, выиграли не одно блестящее сражение, прославившее русское оружие».²⁴⁸

Заканчивая этот раздел, можно с удовлетворением констатировать, что армяно-русское военное сотрудничество успешно развивается и поныне. Не лишне будет упомянуть, что заветы прошлого сотрудничества никак не потеряли своей актуальности. И вправду: историк может только указать, а жизнь..., а жизнь просто заставляет нас сохранять нашу память. Мы, армяне, к этому уже приговорены всей нацией и веками.

А Россия?... – думаем, что с некоторыми оговорками, также...

УРОК ЧЕТВЕРТЫЙ:

АРМЯНСКИЙ ВОПРОС И ПРИЗВАНИЕ РОССИИ НА ВОСТОКЕ

«Существенные интересы России в Передней Азии определяются явственно сами собой и не подлежат никакому сомнению: свободный и обеспеченный выход из Черного моря следует признать как неотъемлемое достояние наше. С другой стороны, если ход исторических событий будет призывать нас к Южному океану, то кратчайший доступ к нему открывается через Армению – вот наиболее отвечающая нашим интересам страна».

«Русская мысль», 1896 г.

²⁴⁸ Баграмян И.Х., Мои воспоминания, Ер., 1979, с. 16

В свое время Петр Великий для выхода на восточные рынки и прикаспийские области предпринял каспийский поход. Последующие за ним российские императоры и императрицы последовательно проводили политику продвижения и утверждения России на Востоке. И несмотря на усердные шаги Екатерины Великой, этот вопрос для России решали ее внук Александр и правнук Николай.

Протекли века, но на Кавказе не изменилась стратегия, которой руководствовались великие державы. Кавказский регион и сейчас, во выражению одного русского историка, находится в вулканическом состоянии по той причине, что кроме интересов великих государств здесь сталкиваются также интересы местных народов. С другой стороны, Кавказ в национальном и религиозном отношении представляет собой своеобразную мозаику, каждая из звеньев которой имеет свою национальную и культурную особенность. Регион и поныне имеет то же значение, как в прежние времена Дария и Александра Македонского, Помпея и Антония. И нет сомнения, что в соперничестве великих держав в регионе одну из передовых позиций занимает и будет занимать Россия. Одним словом, Россия имеет свое призвание на Востоке.

Последний урок армяно-русских отношений мы посетили именно этому вопросу: вопрос, который в нынешнее время стал более актуальным, особенно после распада Советского Союза, когда в регионе вновь активизируются и сталкиваются интересы великих держав. Эти проблемы появились не сегодня и даже не в этом столетии.

Армянский вопрос всегда занимал передовую позицию в восточной политике России. Представляя точки зрения российских общественных и политических кругов по этому вопросу, полагаем, что русскому читателю не трудно будет понять – в этом вопросе Армения – важный

стратегический союзник и что уроки истории не стареют; они только временно сходят со сцены, а потом возвращаются с новой силой. Возвращаются обязательно.

У профессора Московского университета и Лазаревского института В. Герье есть одна очень интересная статья, которая так и озаглавлена – «Призвание России на Востоке». Автор начинает свою статью следующим размышлением: «Знамение и славу XIX века составит совершившееся в нем возрождение народов. Возрождение это было делом различных факторов науки, политики и культуры. Благодаря исторической науке воскресли ассирияне, вавилоняне, еще более древние народы Суматры и Аккада и др., о которых в начале века почти ничего не было известно и которые стоят теперь перед нами с более или менее ясными очертаниями своего государственного устройства, своей религией, своей политикой, искусством и наукой...»²⁴⁹

По мнению автора, есть совершенный народ, «который ныне может быть предметом изучения лишь для археологов и в то же время народ сей живой и своею судьбою сильно возбуждает интерес современной публицистики. Имя этого народа упоминается уже в клинообразных надписях царя Дария и история этой страны известна нам еще более древними письменами, тот же самый народ на наших глазах напрягает все свои силы, чтобы усвоить элементы современной европейской образованности».²⁵⁰

Анализируя пройденный путь армянского народа, Герье далее продолжает: «*Дайте этому народу свободу развернуться и помогите ему нравственно и духовно подняться, и все изумятся его развитию.*»²⁵¹ А на воп-

²⁴⁹ Братская помощь... с. XX.

²⁵⁰ Там же, с. 235.

²⁵¹ Там же.

рос, кто может помочь армянскому народу, ответ автора однозначен: «Относительно всех армянских желаний и надежд *решающее слово принадлежит России*», – пишет Герье. В этой связи, концовка его статьи в целом имеет актуальное акцентирование: «С точки зрения русских практических интересов, прежде всего, нужно признать совершенно несостоятельным представление, будто бы возможно переделать в другую национальность такую, беспримерно живучую и вычужденную историей нацию, как армянская! Всякая реальная политика должна считаться с фактом существования армян как нации и непонятно, почему бы этому не быть?»

Ведь в руках России сделать из армян самых преданных и полезных союзников в мире, если только содействовать тому, о чем они мечтают – подъему духовного образования на почве их национальности. Ведь более того они ничего не желают... – задача для России направить дальнейшее развитие армян таким путем, чтобы сделать из них не тормозящий, а полезный элемент русской мировой политики. Верхний Евфрат пробивает себе путь через Тавр и дальше к Средиземному морю. Это давно известный истории путь народов.

*И русскому народу придется рано или поздно пойти этим путем. Все эти земли до известной степени населены армянами. Отсюда и значение армян для России: от отношения к ним зависит скорость и плодотворность занятия этих областей. И потому, если русская политика достигнет того, что каждый армянин станет добровольным пионером русского владычества и культуры, она блестящим образом разрешит свою задачу в этом регионе».*²⁵² Как говорят русские, из песни слов не выкинешь.

²⁵² Там же, с. 244.

Заканчивая свои размышления, В. Герье далее пишет: «Итак, разрешение исторической задачи России в Малой Азии зависит главным образом от ее отношений к Армянам. И легко или трудно будет приобретение ожидаемых новых владений, этот вопрос *исключительно разрешается вопросом об отношении России к Армянам...* Наступило обратное течение истории... движение России на Восток, ее торжество и вместе с тем торжество человечества. Почему бы на этом празднике весны и жизни армяне должны оставаться затоптанной и забытой национальностью!».²⁵³

Как видно, Герье в своих заключениях более чем оптимистичен. Один вопрос, все же можно задать автору: а не история ли России вновь дала возможность «пройти эту дорогу», несмотря на преданность и верность армянского народа? И Армяне вновь остались «забытыми и растоптанными» на этот раз более жестоко и беспощадно (в 1915 году под турецким ятаганом погибло более 1,5 млн. армян).

В журнале «Вестник Европы» помещена статья другого видного русского историка С.М. Соловьева «Петр Великий в Каспийском море». В ней подробно анализируется внешняя политика России по отношению к Персии и Турции. Автор начинает ее примечательным введением: «Дела, начатые великим человеком, оканчиваются иногда спустя столетия и более, иногда даже после его смерти. Так, мы другое уже столетие выполняли не на бумаге завещание Петра Великого относительно Востока. Мы привыкли представлять внешнюю деятельность знаменитого императора, обращенную на Запад, к берегам заветного Балтийского моря... Но при этом Петр не спускал глаз с Востока, – продолжает далее Соловьев, – ибо хорошо знал его значение для России, знал как мо-

²⁵³ Там же, с. 245-246.

жет обогатиться бедный русский народ, если станет посредником в торговом отношении между Европой и Азией. Утвердившись на берегах Балтийского моря, Петр рыл канал для соединения его с Каспийским...».²⁵⁴

В статье достаточно широко представлена также армянская тематика: «Лучшим средством для закрепления занятых провинций за Россией, Петр считал усиление в ней христианского населения и уменьшение магометанского, — пишет Соловьев. — Мы видели, что император прямо указывал на Армян. В XVII веке между этим народом и Россией происходили сношения по делам чисто торговым. С начала XVIII века пошли сношения другого рода. Петр всего более опасался турок, поэтому приказал населять новозанятые области армянами и удалять магометан турецкого закона».²⁵⁵

Размышляя по поводу стратегического значения региона, журнал «Вестник Европы» пишет: «Обширная сеть путей между Эрзерумом на севере и течением реки Мурад на юге может иметь первостепенное стратегическое значение на кавказско-турецком театре. Для выяснения этого надо сделать небольшое отступление, обращаясь к истории войны, введенной нами с Турциею в этом столетии, мы видели, что Россия в целом ряде кампаний сосредотачивала свое внимание главным образом на Балканском полуострове. Там был главный театр военных действий».²⁵⁶

Журнал также полагает, что это положение может измениться в корне: «Ослабление Османской империи в Европе и расширение пределов России к югу от главного Кавказского хребта, вместе с упрочением владычества ее в Закавказье мало-помалу изменит этот вопрос. Поэтому

²⁵⁴ «Вестник Европы» 1868 т. 2 с. 163, 178-179.

²⁵⁵ Там же, с. 183.

²⁵⁶ Там же, с. 214.

в случае нового столкновения России с Турцией, кавказский театр приобретет первостепенное стратегическое значение».²⁵⁷ По нашему мнению, нынешние процессы, которые происходят на Кавказе, доказательством тому, что нет нужды сомневаться — внешнеполитические вопросы, несмотря на перемену веков, не поддались корректировке. Это — между прочим.

Ценные комментарии по Армянскому вопросу есть и в книге И. Голобородько, озаглавленной «Турция». Из русских авторов немногие так правдиво оценили события, происходившие в Турции в конце XIX и в начале XX веков и правдиво представили русскому читателю суть Армянского вопроса.

В своих размышлениях по Армянскому вопросу русские авторы прежде всего критиковали политику великих держав, в том числе и России, которая должна была гарантировать безопасность западной части Армении от турецкого геноцида: «Безвыходно положение Армян в Западной Армении, откуда телеграмма за телеграммой сообщается, что грабежи и погромы со стороны турок и курдов дошли до такой степени, что чаша терпения армян уже наполнена, — пишет газета «Санкт-Петербургские ведомости» в 1880г. — Телеграмма, присланная из Вана, гласит, что турки грабят и убивают армян. Ужас охватил всех. Неужели быть армянином преступно? После Берлинского конгресса ничего не сделано для улучшения положения, а начатые курдами грабежи и насилия все это результат бездействия турецкого правительства».²⁵⁸ В 1897г. газета свою редакционную статью озаглавила «Зуб за зуб», полностью посвятив ее Армянскому вопросу; особенно сильно было раздута в русской периодической печати тема «об армянских революционерах».

²⁵⁷ Там же.

²⁵⁸ «Санкт -Петербургские ведомости», 1880, № 95.

Особенно примечательны комментарии газеты по этому поводу: «Так называемые «армянские революционеры» не анархисты и не враги правопорядка и цивилизации, как хочет представить турецкое правительство и туркофильская печать Европы, а обыкновенные люди, которые по причине варварского и жестокого отношения к ним дошли до степени отчаяния, лишенные своих родителей, жен и сестер. Вместе с тем, они наполнены решимостью мстить за кровь и безжалостное избиение своих родителей. Вы на каждом шагу можете слышать правдивые жалобы армянского крестьянина: — Дом мой разорен, близкие и друзья мои избиты... для чего живу я и во имя чего. Я умру, но я обязан наказать убийц и мстить за них. Видно, что в этом человеке говорит не «революционное» чувство, а глубокое отчаяние»,²⁵⁹ — сообщает газета. Интересна также заключительная часть редакционной статьи: «Дикое влечение турок продолжает действовать беспредельно. Пролитая кровь 300 тысяч армян в Малой Азии в сердцах своих соотечественников внушило отчаяние, окаменели их чувства и мысли, и сейчас они жаждут только мести. И все это происходило по той причине, что Европа допустила султану в канун XX века уничтожить мирный народ только потому, что этот народ боролся за элементарные человеческие права...».²⁶⁰

Еще одно справедливое замечание в адрес России было помещено в газете «Голос»: «Так или иначе, — пишет газета, — честь и достоинство России требуют, чтобы подписанный за счет крови своих лучших сыновей договор был безукоризненно и последовательно исполнен. Того же требуют интересы России на Востоке. Армяне в этих странах наш единственный и самый верный союзник, и их требования после трех войн века останутся

²⁵⁹ Там же, 1897, № 234.

²⁶⁰ Там же.

неисполненными и обманными. Наши цели прямо указывают обеспечить нормальное положение армян и поставить конец этому вблизи наших границ».²⁶¹

Выписку, озаглавленную «Положение в Армении», мы нашли в журнале «Вестник Европы» за 1896 г. В ней прямо указывается виновник и организатор этих кровавых бои: «Что же касается армян, то судьба их становится все более безотрадней и сильнее, чем когда-либо, возбуждает сочувствие в Европе. Теперь резня происходит в Константинополе, на глазах дипломатов..., турки нападали на армян и истребляли их совершенно открыто, не встречая никакого противодействия или даже возражения со стороны находившихся там турецких офицеров, было очевидно, что исполнители были заранее подобраны, что они были вполне убеждены в одобрении начальства.

По настоянию послов, султан велел только на третий день прекратить кровопролитие и одного его слова было достаточно, чтобы очистить улицы от варварских полчищ. Почему эти слова не были сказаны три дня назад? Факты слишком красноречивы... Не мыслимо ли? Сохранить дружеские отношения с правительством, которое обвиняется в сознательной организации злодеяний. Военные и полицейские силы не могли действовать без прямого приказа султана».²⁶²

Другой примечательной стороной обозрения является то, что здесь достаточно правдиво представлены размышления о дальнейшей судьбе Армянского вопроса. «Возможно ли достигнуть чего-нибудь для армян при помощи дружеских убеждений и советов? — продолжает журнал. — Дипломаты ясно видят и чувствуют, что это невозможно... Сама мысль об армянской автономии не может быть

²⁶¹ «Голос», 1880, № 172.

²⁶² «Вестник Европы» 1896, № 10, с. 835-837.

предметом серьезного дипломатического обсуждения, пока не поставлен на очередь вопрос о разделе Турции. О добровольном согласии турок на создание особой турецкой Армении нечего и думать, а предпринимать ради этого общую европейскую войну было бы безумием, тем более, что далеко не для всех великих держав желательно было образование особого армянского государства (признание, конечно, правда А.О.), а преобразовать турецкий режим в духе твердой законности и порядка – немислимо.²⁶³

Достаточно глубокий анализ Армянского вопроса дана и в книге В. Тенишева. Особенно характерна его заглавие – «Позор цивилизации»: «Отношение великих держав к армянскому народу ужаснее. – Теперь вполне доказано, – пишет он, – что убийства совершались по приказанию турецкого правительства. Между тем, послы совещаются без конца, делают представления Порте, пишут ноты, толкуют, и что же? Ничего радикального до сих пор не сделано. Положение армян остается ужасным.²⁶⁴

В заключении В. Тенишев отмечает: «Европа гордится своей цивилизацией, а вместе с тем каждая держава ищет в Восточном вопросе свои личные выгоды и, не прекращая сношений с султаном, роняет себя в его же глазах. Несчастное горе армянских патриотов в нашей прессе получило прозвище «бунтовщик». Но с точки зрения туркофильской прессы можно назвать бунтовщиками Дмитрия Донского и других доблестных князей, свергнувших татарское иго. Всякий беспристрастный человек поймет, что любовь к отечеству и бунт не имеют ничего общего».²⁶⁵

Книга Тенишева, по сравнению с другими изданиями, посвященными этой теме, имеет одно замечательное

преимущество. Если другие авторы, представляя ситуацию, выражали свое сожаление армянскому народу и в лучшем случае указывали на великие державы, то В. Тенишев решение вопроса видит в проведении коренных и решительных шагов. Концовка его книги так и озаглавлена – «Как помочь армянам». «Положение армян настолько ужасно в настоящее время, что их следует немедленно вырвать из когтей дикого народа, – другого средства, чтобы помочь им, я не вижу...».²⁶⁶ И то, что с помощью великих держав можно будет заставить султана провести реформы, автор однозначно отрицает полезность этих шагов.

Нас просто удивил прогноз Тенишева относительно будущего Армянского вопроса: «Все будет спокойно лет 20, (считаем: 1895–1915 – А.Ж.) – затем опять наступит кризис, если не в Армении, то хоть где угодно. Державы опять не будут действовать согласно. Султан будет опять пользоваться этим и высасывать кровь несчастных народов».²⁶⁷ Отсюда следует и главный вывод В. Тенишева. «Ведь само существование дикой турецкой орды в Константинополе есть позор цивилизации и только показывает, какие корыстные цели преследуют многие державы, заинтересованные в Восточном вопросе».²⁶⁸

Исходя из этого, Тенишев предлагает верный вариант разрешения Армянского вопроса: «Армянский вопрос разрешится присоединением Армении к России, которое скоро придет в цветущее состояние. А турок надо изгнать из Европы. Не надо ни наказывать, ни угнетать их, просто следует оставить им полную свободу в их природных азиатских владениях, откуда пришли».²⁶⁹

²⁶³ Там же.²⁶⁴ Тенишев В., Позор цивилизации, СПб, 1897 с. 15.²⁶⁵ Там же.²⁶⁶ Там же, с. 19.²⁶⁷ Там же, с. 22.²⁶⁸ Там же.²⁶⁹ Там же, с. 22-23.

Свои размышления по Армянскому вопросу представил также журнал «Русская мысль» в последних двух номерах за 1896г. В статье, озаглавленной «Европа и Турция в Армянском вопросе», ее автор вначале дает общую оценку последней русско-турецкой войны: «Русско-турецкая война при всем ее важном историческом значении, — пишет он, — далеко не соответствовала своими результатами возлагавшимся на нее ожиданиям. Казалось, что единоборство могущественной России с «больным человеком» решить бесповоротно и упразднить навсегда висевший много веков над Европой и Азией Дамоклов меч — Восточный вопрос...».²⁷⁰

Анализируя итоги Берлинского конгресса, автор статьи, который так и не представился (подписался как А.), в нем, в первую очередь, видит вину европейских держав: «Жестокость и лицемерие западноевропейской политики поставили, однако непреодолимую преграду достижению этих целей и вырвали из рук России плоды ее гуманных усилий и громадных жертв».²⁷¹

В статье правильно замечено, что «Примиряясь с утратами на европейском континенте, повелитель правоверных цепко схватился за свои азиатские владения. Если европейская почва уходила у них из-под ног, то на азиатском континенте они полагали возможным собрать и развернуть всю свою дикую мощь».²⁷² А Европа?, — спрашивает автор. «Турция, однако, весьма еще нужна Европе, как военная сила. Не трудно заметить, что сама Европа не щадит средств подставить столбы под расшатанный фундамент Оттоманской империи, поощрять ее воинственные инстинкты, выставлять на показ ее мнимые административные дарования и политическую жиз-

²⁷⁰ «Русская мысль», 1895, № 11, с. 108.

²⁷¹ Там же.

²⁷² Там же, с. 109.

неспособность...».²⁷³ Как видим, размышления автора достаточно правдивы и из сказанного слов не выкинешь. Вместе с тем он не скрывает, что «с точки зрения общеевропейской политики, между жгучими вопросами века, армянские интересы представляются столь малою величиной, что иной мудрствующий дипломат не может не говорить о них с улыбкой на устах».²⁷⁴

В отличие от многих авторов, которые разрешение вопроса видели в общем усилении европейских держав, А. Сазонов вопрос ставит ребром: «Шести армянским областям дать возможность и все другие условия для внутреннего самоуправления в Малой Азии, точно определить пределы этой армянской территории, представить движению армянского населения сюда свободный прилив, обеспечить способ национальной самообороны от курдских и турецких хищников, принять Армению под охрану европейских держав».

В публикации есть одно «интересное» замечание: «Российские Армяне, отчасти, сами виноваты в том, что господствующей отраслью своей деятельности выбрали торговлю и со временем сделались более одержимыми духом денежных спекуляций. В представлении русского человека вся армянская народность превратилась в сборище торговцев, при том низкого разбора, чуждых каким-либо духовным потребностям».²⁷⁵

К сожалению, следует констатировать, что в конце века в России было иное представление об армянах. Поэтому вся польза публикации заключается в том, что ее Сазонов доказывает обратное: «Однако, для армянской национальности, — продолжает Сазонов, — присвоение ей исключительного или даже господствующего характера

²⁷³ Там же.

²⁷⁴ Там же, с. 110.

²⁷⁵ Там же, с. 111.

торгового народа есть одно из тех исторических заблуждений, какие нередко встречаются, безотчетно повторяются людьми на основании поверхностных признаков, по недостатку близкого изучения предмета и по недостатку интереса к этому изучению... Коммерцию, во всех ее видах и формах, нельзя считать национальной принадлежностью армян. Они по преимуществу земледельцы, любители сельскохозяйственной культуры, одушевленные работники на родной ниве, усердные ремесленники, искусные садовники... На более высоких ступенях они способны к служебному делу, будучи находчивыми исполнителями, разумными администраторами, неутомимыми дельцами».²⁷⁶ И в доказательство вышесказанному, автор указывает на многих армянских деятелей, которые «с гордостью носили честь быть армянином».²⁷⁷

Накладывая долю вины на своих соотечественников, Сазонов далее указывает: «Мы не хотели слышать настоящего армянина, не углублялись в подробностях его культуры и истории, не захотели знать истину об этом древнем народе. Почти до самой последней русско-турецкой войны, выдвинувшей целую плеяду блестящих военачальников из армян, господствовал взгляд, что армяне лишены духа военной доблести и отваги. Отдельные славные имена кавказских героев – князей Мадатова, Аргутинского – Долгорукого, Бебутова, либо признавались случайным и редким исключением, либо приурочивались к случайным и редким исключениям...».²⁷⁸

Продолжая рассматривать истинные причины складывавшегося в отдельных русских кругах недоброжелательного отношения к армянам, Сазонов полагает: «Последним неизвестно, что в русском подданстве проживает

²⁷⁶ Там же.

²⁷⁷ Там же.

²⁷⁸ Там же, с. 115.

немалое количество армян, что они главным образом населяют Кавказ и Закавказье, занимаются торговлею и прибыльными предпрятиями, отличаются мирным настроением воинственного плыла, трудятся и работают под охраною твердого закона, умело и заботливо обеспечивают себя и свой семейный очаг, возбуждают даже своим достатком зависть и соперничество других кавказских инородцев, менее способных к труду, крепко держатся своих народных обычаев, нравов, древней национальной церкви – и вот данные, кажущиеся совершенно достаточными для решения вопроса о всех армянах, для произнесения над ними своего бесповоротного приговора...».²⁷⁹

Но есть и другая важная мысль у автора: по мнению Сазонова в разрешении множества вопросов России на Востоке армяне будут незаменимыми союзниками: «*Существенные интересы России в Передней Азии определяются явственно сами собой, не подлежат никакому сомнению: свободный и обеспеченный выход из Черного моря следует признать как неотъемлемое достояние наше. С другой стороны, если ход исторических событий будет призывать нас к Южному океану, то кратчайший доступ к нему открывают нагорные кряжи Армении. Знаменитое междуречье Тигра и Евфрата и прилегающие к Тигру восточные земли – вот наиболее отвечающие нашим интересам земли.*»²⁸⁰

Год спустя в том же журнале была помещена другая статья А. Сазонова «Некоторые цифры про кавказских армян». Русский автор озабочен тем несправедливым представлением на Кавказе об армянах, как будто они властвуют во всех экономических и политических отраслях. Сазонов фактическими цифрами доказывает, что ар-

²⁷⁹ Там же, с. 118.

²⁸⁰ Там же, № 12, с. 101.

мяне имеют то же участие в экономической жизни региона, что и другие народы. Особенно характерна концовка статьи: «Если кто-либо спросит меня, каким образом в русской литературе мог сложиться тип армянина, совершенно противоположный только что описанному, то на это я позволю себе указать, что совершенно таким же образом у наших друзей французов образовался тип русского, который и до сего времени не меняется в их литературных произведениях».²⁸¹ Сравнение, конечно, уместное...

Подобные размышления находим также в статье Волкова, напечатанной в газете «День». Говоря о политическом значении Кавказа для России, автор далее пишет: «Не на Дунае и не в Болгарии, не за Балканами, ни даже на зубчатых Византийских стенах Стамбула, могла бы решиться участь Османской империи. Тут султан нашел бы всегда себе союзников, готовых поддержать его. Но там, за Черным морем, на плоских возвышенностях, примыкающих к христианской Армении и отстоящих от моря на большие расстояния, там, где никто нам не опасен, куда ни французские, ни английские войска на забредут, ибо нет удобных путей, туда ведущих, и где мы одни можем иметь союзника. В то время, как румыны, славяне и греки будут подкатывать османскую империю в Европе, мы будем угрожать ей в Азии, тогда решится восточный вопрос».²⁸²

В этой связи, заслуживает внимания редакционная статья журнала «Русская мысль» за 1897 года. Она озглавлена – «1896г. в политическом отношении» и начинается прямым обвинением в адрес Европы: «Тяжелое наследство оставил Европе прошлый год, – сказано в нем. – Турецкие зверства над христианским народом, в

особенности, в отношении Армянского народа, глубоко возмутили и взволновали цивилизованный мир. Всего сильнее негодование против зверств турецкого правительства и полудикого магометанского населения».²⁸³ Не скрывая истинной причины происшедшего, журнал далее пишет: «Снова констатировался старый грех европейской дипломатии завистливое и подозрительное соперничество между европейскими державами лишило это благородное движение непосредственных практических результатов. Опасаясь важных осложнений, которые могли вызвать военное вмешательство с целью положить конец позорящим Европу избиениям беззащитного населения Турции, великие державы решили действовать дипломатическим путем.

Кое-что уже достигнуто. Открытые убийства и явные грабежи прекратились... Но основная причина зла остается неустраненной, и нет никаких гарантий в том, что султан и его правительство не подымут вновь турок, курдов и других полудикарей против несчастных христиан. Лорд Солсбери публично заявил, что убедить султана в том, что надо управлять честно и справедливо, нет ни малейшей возможности. Полагаться на обещание турецкого правительства было бы непростительной наивностью. На долю нашего отечества, при современных дипломатических отношениях, выпадает в высшей степени важная роль. Наша внешняя политика сумела от решиться от крупных ошибок недавнего прошлого, и надо сделать так, чтобы мы и в дальнейшем не повторяли эти ошибки».²⁸⁴ Сказанное касается и нынешних дней.

В декабрьском выпуске журнала «Исторический вестник» за 1897г. помещена реплика про турецкого султана Абдула Гаида, опубликованная в американском

²⁸¹ Там же, 1896, № 10, с. 173.

²⁸² «Отечественные записки», 1864, № 5-6, с. 950-951.

²⁸³ «Русская мысль», 1897, № 1, с. 151.

²⁸⁴ Там же.

журнале «Сentry Magazine»: Выражая свое несогласие и недоумение по поводу напечатанного в американском журнале, автор статьи далее пишет: «Султана величают, как будто он первый цивилизованный владыка в Европе, покровитель армян и свободного слова... Свою беседу с американцем султан начал с уверений, что все обвинения ему в преследовании армян несправедливы, что в сущности нет никаких армянских зверств, а есть только армянские беспорядки, милостиво усмиряемые турками, что в продолжение четырехсот лет армяне всегда пользовались покровительством Порты, и что вообще немисливо избиение армян мусульманами... За все эти милости, который мой отец и я изливали на армян, прибавил султан, они отплатили черною неблагодарностью, составив заговор против Оттоманской империи».²⁸⁵

Представляя другие подробности этой беседы, журнал в самом конце выражает свою точку зрения по всем этим вопросам: «Странная, чтобы не сказать более, беседа султана с представителем Америки, и таким образом, начав за здравие, американский дипломат свел все за упокой, а его образ государствоведения и филантропии сводится к фанатичному вожаку фанатических солдат... он забыл только указать на их способность не только видеть небо сквозь пороховой дым, но и устраивать ад на земле... в сущности, он сложный тип смельчака и труса, любезного собеседника и дерзкого грабителя, буржуазного отца и кровожадного чудовища, мечтателя и безумного убийцы, подражателя Европе по форме и распространителя самой ужасной анархии, самого огульного разорения в управляемой им стране».²⁸⁶

Беспристрастный и правдивый комментарий по Армянскому вопросу дает также журнал «Отечественные за-

писки». В редакционной статье журнала за 1876г., озаглавленной «Воевать или не воевать», читаем: «И если обладание Константинополем для всех европейских государств есть неосуществимая мечта и мы сомневаемся, чтобы какое-нибудь государство увлеклось такою мечтою – то для некоторых государств, помимо Константинополя, есть много видов в будущем поддерживать Турцию в настоящем положении. Эти виды и выгоды и мешают разрешению восточного вопроса. Не будь этих выгод – завершает журнал, – восточный вопрос можно было разрешить легко и быстро».²⁸⁷ Сказано достаточно правдиво и просто.

Другая часть русской периодической печати решение Армянского вопроса видела в решимости России. Так думает, к примеру, и газета «Сын Отечества»: «Единственная надежда турецких армян, чтобы выйти из этого положения – Россия. Вмешательство европейцев в пользу армян не искренна и преследует эгоистические цели. Англия, например, несмотря на то, что себя представляет близкой армянам, ее единственная цель – это расширение своих торговых рынков и распространение протестантства среди армян», – говорится в комментариях газеты.²⁸⁸

Исследования русской периодической печати показывают, что публикации, посвященные Армении и Армянскому вопросу, как правило, появлялись или накануне русско-турецких войн, или чаще всего в годы самой войны. В конечном счете, эти публикации были правдоподобны и представляли всю серьезность и сложность вопроса. К примеру, статья Л. Лебедева, опубликованная в журнале «Отечественные записки», озаглавлена «Турция. Очерк ее исторического развития и нынешнего состояния».

²⁸⁵ «Исторический вестник», 1897, № 12, с. 1068.

²⁸⁶ Там же, с. 1068-1069.

²⁸⁷ «Отечественные записки», 1876, № 6, с. 365-366.

²⁸⁸ «Сын Отечества», 1886, № 174.

Анализируя прошлое и настоящее Турции, автор смело и, что важно, правдиво характеризует весь пройденный кровавый путь Османской империи. В своих доводах Лебедев почти безошибочен: «Вся историческая роль турок, их поразительные успехи, потом застой и, наконец, быстрое падение их империи тесно связаны с неизменностью их отношений во все времена к магометанству... В то же время, эта империя была вполне воинственна и ее идеалом была война... Ислам, создавший принцип отдельности мусульман от покоренных ими народов, объединяющий турок в такое неразрывное целое и делающий их столь воинственными, является и доселе руководящим началом всей их жизни – как религиозной, политической, так и семейной».²⁸⁹

Также недалеко от правдивого представления вопроса журнал «Отечественные записки»: «В европейской политике существуют несколько роковых вопросов, которым суждено разыгрывать роль Дамоклова меча, относительно мира и спокойного развития европейского общества. Созданные нерациональной группировкой исторических обстоятельств, вопросы эти никогда не разрешаются окончательно и существуют постоянно, в виде чего-то недоконченного, недосказанного, а между тем, настоятельно требующего окончания и досказанности того».²⁹⁰

По мнению журнала, затягивание Восточного вопроса может привести к такому положению, когда «вся Европа приходит в волнение, политические страсти разгораются, старая вражда, старые надежды просыпаются с новой силой и снова начинается Сизифова работа разрешения неразрешимого».²⁹¹

²⁸⁹ «Отечественные записки», 1876, № 11, 100, 103.

²⁹⁰ Там же, 1864, т. 155, № 7-8, с. 449.

²⁹¹ Там же.

В русской печати по поводу Армянского вопроса нередко можно встретить также критику в адрес Российского внешнеполитического ведомства. Так, о боязливости шагов российской дипломатии в Армянском вопросе говорится в нарекании журнала «Русская мысль»: «18 мая 1878г. Между маркизом Солсбери и графом Шуваловым состоялось секретное соглашение, без которого не мог быть созван и Берлинский конгресс... По этому секретному соглашению Россия отказалась от Баязета в Азии, этой важной по своему стратегическому значению крепости, вдвойне дорогой и по количеству пролитой под стенами русской крови.

По этому соглашению Россия отступилась от условий Сан-Стефанского договора, касавшегося европейской Турции и жертвовала мифическому европейскому концерту, созданному воображением князя Горчакова, правами своей государственной полновластности и главнейшими итогами многотрудной войны. Все эти живые угрозы европейского вооруженного вмешательства, вся эта семитысячная индийская армия, все эти флоты, снаряженные к берегам Босфора, были лишь мыльными пузырями, по позднему признанию самих английских интересов, которые так сильно действовали на графа Шувалова, подписавшего соглашение».²⁹²

Несколько уклоняясь от темы, надо подчеркнуть, что этот вопрос интересовала многих русских авторов. Более того, познакомившись с героическими страницами истории Армении, они выражали понятное недоумение по поводу столь печального и безвыходного положения армян (вспомним размышления М. Лихутина по этому поводу). Так, в книге Ж. Леклерка «Поездка на Арарат», переведенной в 1893г. с французского на русский язык, автор пишет: «Было время, когда Армения кормила око-

²⁹² «Русская мысль», 1882, № 5, с. 117-118.

до 30 миллионный народ, в средние века она была одной из благосостоятельных стран, где земледелие и ремесло были намного развиты так же, как наука и литература. Турецкое иго уничтожило всю эту цивилизацию, приостановило нормальное развитие страны, превращая ее в пустыню. Пустыня – оставленный победоносный след турецкой орды...».²⁹³

Но не только это хотел подчеркнуть Леклерк. Свой основной акцент он изложил в конце статьи: «Но есть одно обстоятельство которое на первый взгляд кажется странным. Нация, которая дала целую плеяду полководцев, народ, одаренный большими качествами и самый образованный среди своих соседей, ныне окружен курдами и турками – почти дикими и стоящими несравненно низко своим развитием племенами, которые не имеют ни истории, ни литературы, ни коммерции и ни умственного развития. С другой стороны, – продолжает Леклерк, – армяне на своей родине более многочисленны по сравнению с другими племенами, живущими на их Родине. Поэтому возникает вопрос: почему армяне, эти Европейцы Азии, не могут победить их, которые и по численности и по морали более малочисленны и слабы. В чем причина, что этот народ отличными качествами проявляет себя в чужой стране, но вместе с тем убывает на своей родине и почему не может приобрести независимость».²⁹⁴

То же самое отмечает и Грев: «Но чего и стоила этому передовому авангарду христианско-европейской культуры, предоставленному себе самому и забытому всеми до последнего времени, забота о самосохранении, пока христианский мир вспомнил о своем передовом авангарде на Востоке! Печальная, но назидательная стра-

²⁹³ Там же, с. 506.

²⁹⁴ Леклерк Ж., Поездка на Арарат, СПб, 1893, с. 142.

ница в истории культуры». Будущий историк, по справедливому замечанию одного компетентного писателя, не откажет в нравственном величии народу, который сумел выйти из многовековой и трудной борьбы, хотя и без громких побед, но с полным торжеством. Кажется, что это проторенные слова, но правдивые и трезвые.

Возвращаясь к Греву, заметим, что оставляя на суд читателя свои выводы, автор в Армянском вопросе справедливо выделяет долю вины и России: «*Вся последующая история показывает, что переселившиеся армяне не обманули надежд русского правительства, ожидавшего от них развития торговли, промышленности и вообще поднятия экономического уровня южного края.*»²⁹⁵ Как доказательство к сказанному, Грев приводит многочисленные факты из истории армяно-русских отношений, которые должны были заставить Россию проводить более активную политику на Востоке.

Нам кажется, что отзыв газеты «Мир. Отголоски» также даст повод для размышлений русскому читателю. Возражая автору одной антиармянской публикации, газета прямо указывает: «Все это идет от незнания, или впитывает в себя одностороннее преднамеренное освещение. И почему надо обвинять армян в том, в чем некогда винить. Почему успехи армян в торговле считаются такими предосудительными, а провал их соперников в торговле считается несправедливым. Даже в годы геноцида армян в Турции были попытки доказать, что турки подвергались такому же избиению со стороны армян. Полная чушь».²⁹⁶

Кстати, газета не скрывает своих намерений и прямо пишет: «Почему французы могут мечтать о возвращении Эльзаса, поляки о возвращении Польши, японцы о Ки-

²⁹⁵ Братская помощь... с. 507.

²⁹⁶ «Мир. Отголоски», 1897, № 25.

тае, австрийцы о Салониках, англичане о мировом господстве, мы о господстве над Константинополем и Индией, и только Армяне не могут мечтать о восстановлении тысячелетнего своего Гайканского царства. Настояние «Нового времени» о том, что вся армянская нация состоит из торговцев, как будто такие не существуют у других народов. Надо вовсе забыть историю недалекого прошлого и игнорировать нынешнюю, когда из армян вышли великолепные полководцы, администраторы, ученые и искусствоведы...

Весомые услуги армян для России на политическом поприще доказываются многими грамотами российских императоров. Вот одна из них: императорская грамота на имя всего армянского народа, данная Александром I 15 сентября 1813г., явила армянам новый знак милости за доказанную ими преданность. «Они, гласит грамота, отличились мирным постоянством и преданностью, когда легкомыслие и неблагонамеренность старались все поколебать водворенное нами в Грузии спокойствия, и посреди смутных обстоятельств остались тверды и непоколебимы в своем усердии к нам и престолу нашему, жертвуя имуществом своим, и всеми средствами, и самою жизнью на пользу службы нашей и для блага общего. Такое усердие всего армянского народа налагает на нас приятную обязанность засвидетельствовать перед целым светом справедливую нашу им признательность и благоволение. Да сохранится сие свидетельство во славу и честь их и в память потомков».²⁹⁷

Обращаясь к «Новому времени», газета в этом вопросе ставит свой окончательный вердикт: «Такие обвинения могут только стыдить властвующего народа... газета в своем консервативном усердии забыла одну важную истину. «Там, где мир не силен, увещание всегда

бессильно (Шиллер)».²⁹⁸ Того же мнения и журнал «Русский вестник», маленький отрывок из которого хочется привести для нашего читателя: *«Мы намного далеки от предвзятого суждения к армянам именно потому, что они мудро ведут свои дела и среди них есть довольно много патриотов в лице Лазаревых и Нерсесовых... Не время ли нам самим думать о слиянии и объединении выгод армян с выгодами русских»*.²⁹⁹

Здесь можно было бы поставить точку. Но в заключение хочется вновь вспомнить слова одного русского генерала, обращенного к русскому правительству по поводу армянского народа: *«Единая и могущественная Россия, как была нужна прежде для спасения себя и своих соседей от опустошений варварских народов, так нужна и теперь, если не для переворота в судьбе их для блага будущих поколений, то для собственной безопасности»*.³⁰⁰

К сказанному добавим только два мнения известных в России публицистов. А. Грен: «Буду надеяться, что мои слова вызовут ряд размышлений об Армянах, которых давно ждет улыбающееся солнце Армении». Большой знаток истории Армении А.В. Амфитеатов: «Грамоты московских царей свидетельствуют о заслугах армян русскому делу на Востоке: включительно до последней войны, армяне – и нравственно, и материально – неизменные союзники русских. В Малую Азию во главе русских войск шли Лорис-Меликов, Лазарев, Тер-Гукасов, а навстречу им из деревень с крестами и хоругвями выходили армянские попы и мужики, веруя, что исполняется заветная мечта армянского народа. Армянская интеллигенция вышла из русских университетов.

²⁹⁸ Там же.

²⁹⁹ «Русский вестник», 1891, № 5, с. 128.

³⁰⁰ Лихутин М., Русские в Азиатской Турции в 1854-1855 гг., СПб, 1863, с. 273.

В науке, искусстве, адвокатуре, войне и даже в бюрократии – всюду русские показывают армян, понимающих счастье своей Родины в счастье России и работающих каждый по своему – на русской общественной ниве с таким усердием и любовью, каким, дай Бог, природным русским».³⁰¹

Не комментируем, потому что слова говорят сами за себя, но все же полагаем, что вопрос и поныне имеет то же звучание и актуальность, хотя отдалена от нас на целые столетия.

Содержание книги «Армянский вопрос» является важным документом, который не только фиксирует состояние армянского вопроса в России в начале XX века, но и показывает, как глубоко и широко был известен этот вопрос в российском обществе. Автор книги, А.Ж. Оганесян, был одним из ведущих армянских общественных деятелей в России того времени. Он был активным участником армянского национального движения и одним из организаторов армянской общины в России. Его книга является важным источником информации о жизни армян в России в начале XX века. В книге Оганесян подробно рассказывает о жизни армян в России, о их культурной и общественной деятельности. Он также анализирует причины армянского вопроса и предлагает пути его решения. Книга Оганесяна является важным документом, который не только фиксирует состояние армянского вопроса в России в начале XX века, но и показывает, как глубоко и широко был известен этот вопрос в российском обществе.

³⁰¹ Амфитеатов А.В., Армянский вопрос, СПб, 1906 г. с. 12.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	3
УРОК ПЕРВЫЙ:	
От познания до стратегического союзника	5
УРОК ВТОРОЙ:	
Экономическое сотрудничество	45
УРОК ТРЕТИЙ:	
Военное сотрудничество	67
УРОК ЧЕТВЕРТЫЙ:	
Армянский вопрос и призвание России на Востоке	125

Информация об издании
УДК 327.5(075)
Информация об издании
Информация об издании

ОГАНЕСЯН А.Ж.

**РОССИЯ И АРМЯНЕ:
УРОКИ ИСТОРИИ И РЕАЛИИ**

Компьютерная верстка И. Арамян

Подписано к печати 23.11.2009.
формат 84x108^{1/32}. Бум. офсетная.
Уч. изд. 7,2 л., печ. 4,8 л. + 18 ст. вкл., усл. 8,0 л.
Тираж 200. Заказ 173

Издательство ЕГУ, Ереван, Ал. Манукяна 1

Подразделение оперативной полиграфии ЕГУ
Ереван, Ал. Манукяна 1